
ЧАСТЬ IV ПРЕЗИДЕНТ

ПЯТАЯ РЕСПУБЛИКА

Вернувшись к власти, де Голль сразу отправился в Алжир. Ситуация там давно была накаленной. Новый глава правительства твердо намеревался взять ее под свой контроль. Для этого нужно было «умиротворить» армию и ультраколониалистов, только что переживших знаменательные события. Перед отъездом, 2 июня, генерал встретился с вернувшимся в Париж Леоном Дельбеком и с улыбкой сказал ему: «Браво, Дельбек! Вы прекрасно сыграли, но признайтесь, что и я также»¹.

В Алжир де Голль прилетел 4 июня и пробыл там три дня. Кроме столицы, он посетил города Константину, Бон, Оран и Мостаганем. Алжирские ультраколониалисты довольно настороженно отнеслись к только что созданному правительству, так как в нем не было ни одного откровенного сторонника идеи «французского Алжира». Но, несмотря на это, генералу оказали теплый прием, и он сам, со своей стороны, постарался убедить «ультра» в солидарности с ними.

Де Голль приземлился в аэропорту в сопровождении нескольких министров. Его встретили генерал Салан и другие представители алжирской администрации. Переезд в 22 километра от аэродрома до центра столицы главы правительства длился более часа. Кортёж машин двигался очень медленно под бесконечными сине-бело-красными знаменами, морем конфетти и серпантина. Вдоль всего пути следования его приветствовала нескончаемая людская изгородь. Со всех сторон доносились возгласы: «Да здравствует де Голль!»

Вечером на Форуме, центральной площади города, генерал выступил перед огромной толпой французов и алжирцев. Когда де Голль появился на балконе «ЖЖ» в сопровождении Салана и Сустеля, жители города встретили его бурной овацией. Собравшиеся скандировали: «Де Голль!», «Сустель!», «Французский Алжир!» Увидевший эту сцену новый премьер воскликнул: «Я вас понял!» Затем он сказал: «Я

знаю, что здесь произошло. Я знаю, что вы хотели сделать. Я вижу, что дорога, которую вы открыли в Алжире, — это путь обновления и братства. Я говорю обновления во всех отношениях, в том числе и наших институтов. Я заявляю: с сегодняшнего дня Франция считает, что во всем Алжире есть лишь одна категория жителей — полноправные французы с одинаковыми правами и обязанностями»².

В Алжире произошла небольшая размолвка де Голля с Сустелем. Бывший министр-резидент очень надеялся получить в новом правительстве пост министра Алжира. Но генерал отказал ему и дал понять, что «алжирским вопросом» займется он лично³.

6 июня, перед своим отъездом в Париж, глава правительства посетил Мостаганем. Для того чтобы увидеть его, в этот небольшой город на северо-западе Алжира съехалось почти все окрестное население, преимущественно арабское. Генерал приветствовал мусульман краткой речью: «На этой прекрасной алжирской земле началось образцовое движение обновления и братства. Оно подняло с этой исстрадавшейся земли вихрь вдохновения, который, перелетев через море, пронесся над всей Францией и напомнил ей о ее призвании. Спасибо, Мостаганем. Спасибо от всего сердца человека, осознающего, что он несет одну из самых тяжелых ответственностей перед историей. Да здравствует Мостаганем! Да здравствует “французский Алжир”! Да здравствует Республика! Да здравствует Франция!»⁴ Наконец-то де Голль произнес (в первый и последний раз!) заветные слова “французский Алжир”, которых от него так ждали ультраколониалисты. Они на время успокоились, и визит нового премьера в Алжир можно было считать удачным.

По возвращении де Голль стал утверждать свою власть в Париже. 13 июня он патетически заявил французам: «Дорога тяжела, но как она прекрасна. Цель трудна, но как велика. Итак, начало заложено. Идемте же дальше!»⁵ Генерал занял Матиньонский дворец — резиденцию премьер-министра — и продолжал консультации по формированию правительства. Ему помогали в этом Жорж Помпиду и Оливье Гишар. Глава правительства стремился включить в кабинет представителей партий, которые в мае помогли ему вернуться к власти. Среди них оказались практически все политические объединения Франции, кроме коммунистического. Министерские портфели получили и многие известные голлисты — Морис Кув де Мюрвиль, Андре Мальро, Жак Сустель, Эдмон Мишле. Важнейший пост министра юстиции занимал Мишель Дебре.

Работающие вместе с главой правительства в эти дни отмечали, как естественно генерал выглядел в новой роли, вернее, в той, которую в последний раз исполнял более двенадцати лет назад. «Он так взял в свои руки бразды правления, — вспоминал Мишель Дебре, — словно отошел от власти только вчера. Это не он был не у дел, это Четвертая республика была не делом»⁶.

Теперь свою главную задачу де Голль видел в том, чтобы разработать новую конституцию. Составление ее проекта он возложил на группу высокопоставленных чиновников — членов Государственного совета во главе с Дебре.

Государственный совет начал работу 12 июня. Разрабатываемый им текст по частям обсуждался Правительственным комитетом под председательством самого генерала. К концу июля проект конституции был составлен, одобрен Правительственным комитетом и передан на рассмотрение Конституционному консультативному комитету. В него вошло около сорока человек, главным образом депутатов бывшего Национального собрания, голосовавших за избрание де Голля. Председателем комитета стал давний знакомый главы правительства, один из лидеров «независимых» Поль Рейно. На его заседаниях присутствовали де Голль, государственные министры и министр юстиции.

Конституционный консультативный комитет заседал около полумесяца. Его представители внесли поправки и дополнения в проект. Во второй половине августа текст обсуждался в правительстве, был одобрен им и 4 сентября обнародован. На 28 сентября правительство назначило референдум, на котором французам предлагалось высказаться «за» или «против» нового основного закона страны. Генерал остался доволен проектом. В нем нашли логическое завершение его идеи о сильном государстве.

Сторонники де Голля в конце лета — начале осени 1958 года направили все свои силы на то, чтобы предстоящий референдум дал положительный результат. А глава правительства, внимательно наблюдая за развитием политической ситуации во Франции, одновременно намечал главные направления внешней политики страны. Он вступил в переписку с президентом США Дуйатом Эйзенхауэром, премьер-министром Великобритании Гарольдом Макмилланом, канцлером ФРГ Конрадом Аденауэром, Н. С. Хрущевым и главами других государств. Де Голль делился с ними собственным видением важнейших проблем мировой политики и роли Франции в развитии международных отношений. Генерал твердо намеревался вернуть своей стране ранг «вели-

кой державы», который она утратила в период Четвертой республики.

Первостепенное значение премьер-министр придавал связям Франции с ее ближайшим соседом — Германией. Да, она воевала с Францией на протяжении веков. Генерал сам находился на передовой и в Первую и во Вторую мировые войны. И тем не менее глава правительства не расценивал Германию как заклятого и вечного врага французов. Еще в межвоенный период он говорил: «Немцы принадлежат к той же христианской цивилизации, что и мы. У них такие же, как у нас, соборы, такая же культура. Нет другого, столь близкого нам народа»⁷. Он с восхищением восклицал: «Какая беспокойная у них душа! Она все время вибрирует от своей безудержной любви к порядку»⁸. В то же самое время, когда в Германии нарастали реваншистские настроения, де Голль одним из первых забил в набат. Но фашисты не представляли весь немецкий народ, в котором генералу многое нравилось. А теперь, когда войны остались далеко позади, новый премьер-министр Франции твердо решил, что вековому соперничеству двух стран будет положен конец.

Как только де Голль вернулся к власти, он решил без промедления налаживать диалог с немецким руководством. В сентябре 1958 года генерал пригласил Конрада Аденауэра приехать к нему с частным визитом прямо в Коломбэ. Канцлер согласился. 14 сентября он прибыл в Буассери в машине без эскорта, только в сопровождении водителя-секретаря и переводчика. Жена главы французского правительства, зная, что ее гость любит розы, собственноручно срезала эти цветы в своем саду и поставила большой букет из них на деревянный комод в выделенной Аденауэру комнате на втором этаже.

Премьер-министр Франции и канцлер Германии увиделись впервые. За обедом атмосфера сначала была натянутой. Но гость быстро освоился и произвел на де Голля, его жену и сына самое приятное впечатление. Генерал говорил с канцлером на его родном языке и рассказывал ему, как еще в молодости путешествовал по Германии и учил немецкий язык.

Де Голль и Аденауэр беседовали с глазу на глаз в библиотеке. Они затронули важнейшие темы современных международных отношений и обсудили пути развития франко-западногерманских связей. Потом главы государств гуляли в парке Буассери.

К ужину в Коломбэ приехали министр иностранных дел Морис Кув де Мюрвиль и послы Германии в Париже и

Франции в Бонне. Поздним вечером де Голль отметил, с какой легкостью его 82-летний гость поднялся по лестнице на второй этаж в свою комнату. Утром 15 сентября он отправился в обратный путь⁹. Так было положено начало многолетнему плодотворному сотрудничеству между Францией и Германией.

28 сентября проект основного закона, выдвинутый правительством де Голя, одобрили 79,25% пришедших голосовать французов. Генерал и его сторонники праздновали победу. Франция получила Конституцию 1958 года. Она превратила страну в республику президентского типа правления. Именно президент, как давно мечтал де Голль, становился теперь центральной фигурой всей французской политики.

По новой конституции президент республики имел право назначать премьер-министра и отдельных министров, возвращать принятые парламентом законопроекты на повторное обсуждение, передавать на референдум по предложению правительства или обеих палат любой проект закона, касающийся организации государственной власти или одобрения международных соглашений, способных затронуть деятельность государственных институтов. Он мог также распускать (после консультации с премьер-министром и председателями палат) Национальное собрание и назначать новые выборы¹⁰.

Статья 16 Конституции 1958 года давала право президенту республики в чрезвычайных обстоятельствах брать всю полноту власти в стране в свои руки. Она гласит: «Когда институты республики, независимость нации, целостность ее территории или выполнение международных обязательств оказываются под серьезной и непосредственной угрозой, а нормальное функционирование конституционных органов государственной власти нарушено, президент республики принимает меры, которые диктуются данными обстоятельствами. Для этого достаточно простой консультации с премьер-министром, председателями палат парламента и Конституционным советом. Парламент собирается в таком случае по собственному праву и не может быть распущен»¹¹.

Отдельный раздел новой конституции регулировал статус французских колоний. В нем провозглашалось создание «Сообщества в составе Французской Республики и всех ее заморских территорий». В одной из статей раздела говорилось, что все «заморские департаменты» Франции «могут сохранить свой статус в составе республики», так же как и «образовать отдельные государства», если их территориальные ассамблеи изъявят на то свою волю не позднее чем через че-

тыре месяца после принятия конституции¹². Иными словами, эта статья декларировала право французских колоний на независимость. Именно в таком ключе правительство де Голля и в первую очередь он сам видели разрешение кризиса во французских колониальных владениях.

После референдума все политические объединения Франции начали готовиться к выборам в Национальное собрание. Такая же задача встала и перед голлистами, которые, естественно, должны были выступить на выборах в рамках единой партии. Ее создание сторонники де Голля провозгласили 1 октября 1958 года. Партия получила название Союз за новую республику (ЮНР). 3 октября был образован Центральный комитет голлистской партии, в который вошли такие известные соратники генерала, как Мишель Дебре, Жак Шабан-Дельмас, Жак Сустель, Роже Фрей, Эдмон Мишле, Леон Дельбек и другие.

Лидеры ЮНР представили свою партию как «единственную всецело преданную идеям и личности де Голля»¹³. Однако сам генерал отказался встать во главе нее, потому что так же, как и после Второй мировой войны, стремился представить себя арбитром, отстаивающим интересы всей нации в целом. Печальный опыт РПФ не давал себя забыть. На пресс-конференции 23 октября глава правительства сказал, что возражает против использования партиями его имени «даже в качестве прилагательного», хотя и не намерен запрещать «каким бы то ни было политическим объединениям говорить о своей солидарности с действиями Шарля де Голля»¹⁴.

На парламентских выборах, прошедших в конце ноября по мажоритарной системе в два тура, новая голлистская партия добилась огромного успеха. Она получила 188 мандатов в Национальное собрание, главным образом благодаря тому, что избиратели отождествляли ее с самим де Голлем.

Руководители голлистского объединения сразу решили оградить парламентскую группу своей партии от возможного повторения раскола, происшедшего несколько лет назад в РПФ. 9 декабря, в день открытия заседаний вновь избранного Национального собрания, голлисты дали следующее обязательство: «Я, избранный депутатом ЮНР, торжественно подтверждаю мое присоединение к Союзу за новую республику и его парламентской группе. Я обязуюсь оставаться верным задачам ЮНР, поддерживать в парламенте и в моем округе действия генерала де Голля, подчиняться дисциплине голосования, избранной большинством группы, в важных вопросах, касающихся жизни нации и французского общества с тем, чтобы сохранять сплоченность нашей группы и

дух нашего движения»¹⁵. В тот же день председателем Национального собрания стал Жак Шабан-Дельмас.

21 декабря де Голль был избран на семилетний срок президентом республики. Голосование по традиции, заложенной еще в XIX веке, прошло косвенно. Генерала выбрала коллегия из восьмидесяти одной с половиной тысячи выборщиков. В их число входили депутаты, сенаторы, члены генеральных советов, представители муниципальных советов, дополнительные делегаты, назначенные крупнейшими муниципалитетами, а также члены генеральных советов заморских департаментов, заморских территорий и Алжира. Конкурировать с главой правительства осмелились лишь двое — коммунист Жорж Марран и представлявший некоммунистическую левую Альбер Шатле. Они добились весьма скромных результатов, а подавляющее большинство выборщиков — более 62 тысяч (78,5%) проголосовали за де Голля. Так формирование нового политического режима было завершено и начала свое существование Пятая республика.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ВЕЛИЧИЕ

8 января де Голль вступил в должность президента республики и назначил премьер-министром Мишеля Дебре. Генерал сразу сказал ему: «Я не собираюсь вдаваться в детали правительственной деятельности. Я ограничусь лишь тем, что определю основные направления»¹⁶. В первые же месяцы своего президентства де Голль заложил политическую традицию, согласно которой глава государства занимался в основном внешней политикой страны, премьер же — внутренней. Дебре, действительно, получил определенные указания от генерала и приступил к делу.

Сам де Голль взялся за воплощение в жизнь своей мечты — восстановление национального величия Франции. Оно заключалось для президента в стремлении сделать родину державой с «мировой ответственностью». Для этого ей нужно было вести собственную независимую политику.

Прежде всего де Голль решил добиваться достойного места для Франции в НАТО. Главную роль внутри блока играли Соединенные Штаты и верный проводник их политики на Европейском континенте — Великобритания. Президент хотел, чтобы отныне Франция заняла в НАТО равноправное с США и Англией положение. Еще 17 сентября 1958 года он адресовал Эйзенхауэру и Макмиллану меморандум. В нем де Голль указывал: «Франция считает, что блок в его современ-

ной форме не может обеспечить условий безопасности всего свободного мира и, в частности, самой Франции. Ей представляется необходимым создание такой политической и стратегической организации, в которой бы она играла непосредственную роль»¹⁷. Генерал считал, что именно три страны — Соединенные Штаты, Великобритания и Франция — должны совместно составлять стратегические планы и превращать их в жизнь, а также принимать решения по важнейшим мировым проблемам и особенно по использованию атомного оружия.

Эйзенхауэр и Макмиллан отнеслись к предложению де Голля явно отрицательно, хотя и не отказывались вести с ним переговоры на эту тему. Тем временем президент Франции уже в начале 1959 года принял решение о выводе из-под командования НАТО французского средиземноморского флота и запретил базирование на территории своей страны американского ракетно-ядерного оружия.

Несмотря на разногласия с США и Англией по Атлантическому блоку, де Голль проявил полное взаимопонимание с ними в период Берлинского кризиса. В начале 1959 года стала нарастать напряженность вокруг Берлина. Граница между западной и восточной частью города оставалась открытой. Через нее немцы ГДР постоянно покидали свое государство. Из-за непризнания Восточной Германии западными державами послевоенный мирный договор так и не был подписан. Хрущев требовал в ультимативной форме от США, Великобритании и Франции разрешения германского вопроса. Однако западные страны не шли на уступки. Началось упорное противостояние. Де Голль полностью солидаризировался с партнерами по НАТО. 11 марта 1959 года он писал Эйзенхауэру: «Я хочу вам сказать, что по Берлинскому кризису мы, представители Запада, должны выработать совместную позицию»¹⁸.

В июне 1959 года де Голль совершил свой первый официальный визит за границу — в Италию и Ватикан. В Риме он вел переговоры о европейских проблемах и отношениях между Францией и Италией с премьер-министром страны Антонио Сеньи и президентом Джованни Гронки. Как правоверный католик генерал встретился с римским папой Иоанном XXIII, занявшим Святой престол в январе. Де Голль беседовал с ним об «испытаниях, выпавших на долю христианства в связи с гигантскими потрясениями XX века»¹⁹.

Одной из ключевых тем французской политики в конце 50-х — начале 60-х годов были отношения метрополии с бывшими колониями. Декларированным Конституцией 1958 го-

да правом на отделение воспользовалась только Гвинея, ставшая независимой. Остальные территории вошли в Сообщество. Де Голль не испытывал иллюзий на счет желаний французских владений, главным образом африканских, навеки связать судьбу с метрополией. Еще в 1958 году он сказал: «Сообщество? Ерунда. Они вошли в него лишь с одной мыслью: как теперь из него выйти»²⁰. И тем не менее президент Франции решил лично посмотреть, что делается на землях бывшей империи. В июле 1959 года он отправился в регион Индийского океана — через Французское Сомали на Мадагаскар, Реюньон и Коморские острова.

Зимой и весной 1959 года де Голль почти все свободное время посвящал своим «Военным мемуарам». Бурный предыдущий год не позволил ему завершить работу над последним томом. И вот наконец текст был закончен. Третий том — «Спасение» — увидел свет в сентябре.

В том же месяце состоялась встреча генерала с Эйзенхауэром. Президент США приехал в Париж с официальным визитом. Главной темой переговоров стало так волновавшее де Голля положение Франции внутри блока НАТО. Генерал не смог убедить Эйзенхауэра в необходимости предоставления ей равноправия с Соединенными Штатами и Англией. В декабре де Голль опять вернулся к этому вопросу во время официального визита в Париж Аденауэра и конференции во французской столице глав США, Великобритании, ФРГ и Франции, но безрезультатно.

Рассчитывал ли вообще де Голль на успех в переговорах по НАТО? Мог ли он надеяться, что англичане и американцы ему уступят? Скорее всего, нет. Президент Франции никогда не забывал мудрых слов так любимого им Гёте — «Сильный характер должен сочетаться с гибкостью разума» — и старался следовать им. В 1959 году генерал объявил, что его страна сама позаботится о своей безопасности и создаст собственные ядерные силы. Только обладая ими, считал де Голль, Франция осознает национальное величие. И она начала работать над созданием атомного оружия. Президент подтвердил это на пресс-конференции 10 ноября 1959 года. Уже в феврале следующего года на полигоне во Французской Сахаре было проведено первое испытание ядерной бомбы. Таким образом, Франция, наравне с Соединенными Штатами, Англией и СССР, хотели они того или нет, вступила в «клуб ядерных держав». Де Голль вообще стремился к усилению военной мощи своей страны. Франция приступила к созданию новейших военных самолетов, кораблей, подводных лодок, средств наземного передвижения.

Политика возрождения национального величия генерала предусматривала и превращение Франции в процветающую индустриальную державу. Президент считал, что достижение такой цели должно стать главной задачей правительства. «Народ без амбиций, — утверждал де Голль, — все равно, что снаряд из дерева»²¹. Он считал, что необходимо поощрять развитие во Франции науки и техники, важнейших отраслей промышленности. Этому способствовало одобряемое президентом планирование. Генерал считал необходимым провести денежную девальвацию. С января 1960 года правительство ввело в оборот новый, «тяжелый» франк. Это привело к уменьшению инфляции, стимулированию экспорта из страны и сделало французскую валюту конвертированной.

Де Голль всегда боготворил Францию. Он жил и созидал во имя нее. Президент восхищенно говорил: «Какой же мы получили шанс, что живем в этой стране. Нет такой второй в мире! Как она великолепна в своем искусстве, культуре, литературе, архитектуре, садах, дворцах... Каких она дала врачей, ученых, военных...»²² Но для де Голля Франция и французы — это отнюдь не одно и то же. Генералу принадлежат и такие слова: «Французы недостойны жить в столь прекрасной стране» или «Как хороша была бы Франция без французов»²³.

Президента не всегда радовало поведение соотечественников. Он считал их недостаточно переживающими за отчизну, думающими только о личной выгоде, страдающими социальной завистью²⁴. Генерал следующим образом объяснял страсть французов к развязыванию революций: «Цель революций — заставить изменить положение вещей. Французы устраивают их из-за бессилия. Они не могут разрушить элиту общества, потому что чувствуют себя неспособными ее заменить и понимают, что никогда не сравняются с ней. Вот тогда и начинается марание ковров, срывание гардин и разбивание изразцов»²⁵. Почему такие суждения? Наверное, потому что де Голль, личность выдающаяся, всегда стоял выше каких-то усредненных качеств своего народа. Несмотря на приведенные высказывания, он всегда радовался и гордился успехами французов на любом поприще, считая, что своими достижениями они вносят вклад в сокровищницу нации. Генерал всегда хотел понять чаяния простых французов, быть близким к ним. С первых же месяцев президентства он постоянно совершал поездки по различным департаментам страны и знакомился с жизнью своих сограждан.

Большое значение де Голль придавал социальной политике правительства. Генерал желал, чтобы она развивалась

согласно разработанной его сторонниками еще во времена РПФ доктрине «участия» или «ассоциации труда и капитала». Он видел в ней третий путь между капитализмом и социализмом.

И все-таки президента прежде всего интересовала держава, во главе которой он стоял, а не люди, ее населявшие. За культурное процветание Франции он мог быть спокоен, потому что по его указанию министром культуры в правительстве Дебре был назначен Андре Мальро. Обычно скупой на комплименты де Голль называл писателя «гениальным другом»²⁶. «Каждый режим, — отмечал президент, — должен иметь своего Виктора Гюго, чтобы пробуждать воодушевление граждан, которые погрязли в своих повседневных заботах. У Мальро есть дар зажигать»²⁷. Генерал не ошибся ни в выборе, ни в характеристике.

Знаменитый французский писатель с огромным рвением взялся за исполнение обязанностей министра культуры. После развернутых Мальро грандиозных реставрационных работ засверкали своим былым величием Лувр и дворец Инвалидов, Триумфальная арка в Париже, Трианон в Версале, переоборудовались старые музеи, создавались новые музеи и театры. В США впервые увидели «Джоконду», в Японии — «Венеру Милосскую», а в Париже — уникальные предметы древнеегипетского прикладного искусства из гробницы Тутанхамона. Во многих департаментах Франции открывались Дома культуры. Увековечивалась память знаменитых французов — прах Жана Мулена был перенесен в Пантеон.

«АЛЖИРСКАЯ ПРОБЛЕМА»

Последние месяцы 1959 года стали напряженными для президента республики. Причиной тому были не переговоры с лидерами западных государств, а политика в отношении Алжира. Несмотря на совершенно особенное положение этой колонии, де Голль, скорее всего, уже в момент возвращения к власти полагал, что ей нужно предоставить независимость. Генерал был убежден, что по иному пути Франция следовать не могла, и считал бессмысленным удерживать Алжир силой под французским суверенитетом. Однако беда заключалась в том, что многие другие так не считали. Алжирская драма не только продолжалась, но и затягивалась, превратившись в настоящую трагедию или, по выражению Мориса Тореза, «язву на теле нации».

Президент республики решил обнародовать свои взгляды 16 сентября 1959 года. В речи, которая передавалась по радио и транслировалась по телевидению, он заявил: «Перед Францией все еще стоит сложная и кровавая проблема Алжира. Мы должны ее разрешить и не сделаем это так, чтобы настроить одних против других. Мы, как любая великая нация, разрешим ее единственно возможным путем — предоставлением самим алжирцам права выбора их будущего». Далее генерал уточнил, что право алжирцев на самоопределение мыслится им как выбор одного из трех решений: «отделение от Франции и образование самостоятельного государства с собственным правительством»; «полное офранцуживание»; «правительство алжирцев, созданное самими алжирцами, опирающееся на помощь Франции и тесный союз с ней в области экономики, обороны и внешних сношений»²⁸.

Речь де Голля произвела во Франции эффект разорвавшейся бомбы. Алжир давно расколол французов надвое. Одни сочувствовали «черноногим»*, считали, что метрополия обязана защитить их интересы и следовать лозунгу «французский Алжир». Другие же полагали, что Франция, несущая в колониальной войне огромные людские потери и финансовые расходы, должна покинуть эти заморские департаменты. После выступления президента «ультра» объявили, что де Голль предал их надежды. Так же считали многие представители французской армии. Внутри ЮНР, опоры президента и правительства в парламенте, тоже не было единства. Целый ряд голлистов и некоторые министры сочувствовали «ультра» и осуждали политику генерала. Даже премьер Мишель Дебре, один из самых преданных сторонников де Голля, придерживался ультраколониалистских взглядов и пытался переубедить президента. Генерал твердо стоял на своем.

В конце 1959 года де Голля постигло личное горе. 26 декабря скоропостижно скончался его младший брат Пьер. А следующий год принес новые испытания.

В январе 1960 года командующий армейским корпусом в Алжире генерал Массю в интервью немецкой газете «Зюддойче цайтунг» осудил алжирскую политику де Голля и даже заявил о том, что французская армия может оказать ему неповиновение. Президент сразу отозвал Массю с занимаемого поста. В эти дни он писал сыну: «Пора кончать с наглым давлением европейцев Алжира, с ядром политиканов, которое сформировалось в армии, и вообще с мифом “фран-

* «Черноногие» — так часто называли европейцев Алжира, которые, в отличие от местных жителей, носили темную кожаную обувь.

цузского Алжира". Все это направлено только на то, чтобы удержать господство "черноногих" над мусульманами»²⁹.

24 января, в ответ на отзыв Массю, «ультра», возглавляемые Пьером Лагайярдом и Жозефом Ортизом, организовали довольно мощные демонстрации и забастовки под лозунгом «французский Алжир». Затем при попустительстве явно сочувствующего им армейского командования они соорудили в городе два кольца баррикад и в течение недели удерживали несколько кварталов алжирской столицы. Мятежники требовали от правительства отказа от предоставления Алжиру права на самоопределение. Правда, 1 февраля, так и не получив действенной поддержки армии, они капитулировали.

В течение всей «недели баррикад» атмосфера в правительственных кругах оставалась крайне напряженной. По словам министра промышленности Жана-Марселя Жанне-не, «среди членов кабинета оставалось большое число сторонников "французского Алжира", которые сердцем были вместе с мятежниками»³⁰. Открыто оправдать в правительстве действия ультраколониалистов решился только государственный министр Жак Сустель. Президента это привело в крайнее раздражение. Он не терпел неповиновения и несогласия с его собственными убеждениями. Де Голль принял непреклонное решение об исключении из кабинета одного из своих самых давних соратников. 5 февраля генерал вызвал министра в Елисейский дворец и, как сказал Сустель, «за две с половиной минуты ликвидировал двадцать лет сотрудничества»³¹. Разговор был очень кратким. Президент заявил, что их идеи по алжирской политике в корне расходятся, и поэтому министр должен покинуть правительство. Сустель не стал возражать. Он лишь выразил сожаление, что генерал не подождал с решением о его исключении до июля, тогда бы исполнилось ровно двадцать лет с того момента, как он присоединился к де Голлю и начал служить его делу³². Вот так «проблема Алжира» вмиг оборвала струну, на протяжении стольких лет соединявшую жизнь двух человек. В знак солидарности с Сустелем кабинет покинул министр телекоммуникаций Бернар Корню-Жантий.

Крайнего накала достигла ситуация и внутри голлистской партии. Среди депутатов и активистов ЮНР было много сторонников Сустеля, которые выступили в его поддержку и тем самым проявили негативное отношение к позиции де Голля. Генерал же требовал, чтобы всех несогласных с его политикой вывели из партийных рядов. И руководители ЮНР не смогли послушаться. Перед членами голлистской

партии стоял выбор: или подчиниться, или покинуть ЮНР. В результате партию оставили Жак Сустель, Леон Дельбек и многие другие. К середине 1960 года она, освободившись от новых «диссидентов», выразила «полное доверие личности и политике генерала де Голля»³³.

Пока голлисты гасили огонь, вспыхнувший в ЮНР из-за «алжирской проблемы», президент продолжал международную деятельность. Он давно хотел познакомиться с руководителем СССР Хрущевым и при личной встрече обсудить с ним главные проблемы мировой политики. Де Голль пригласил первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета министров СССР в Париж. 23 марта 1960 года Хрущев прибыл во французскую столицу в сопровождении семьи, заместителя председателя Совета министров СССР Алексея Николаевича Косыгина и министра иностранных дел Андрея Андреевича Громыко.

Первое впечатление президента Франции о Хрущеве сложилось таким: «У него был вид добряка. Он приехал с женой, сыном, дочерьми и зятем. Где бы Хрущев ни появлялся, он производил впечатление пылкого и живого человека, несмотря на свою дородность. Он смеялся и проявлял сердечность»³⁴. Переговоры де Голля и Хрущева велись в Париже и в пригородной резиденции Рамбуэ. Лидеры двух стран встречались и беседовали пять раз³⁵. Они обсуждали советско-французские отношения, германскую проблему и вопросы европейского и всеобщего разоружения.

Беседы глав государств проходили в спокойной дружественной обстановке. Президент Франции во время первой же встречи заявил: «Нам предстоит переговорить о многих вещах... Мне хорошо известна Ваша позиция по международным вопросам. Вы хотите добиться мира и прежде всего разрядки в международных отношениях между двумя лагерями, которые фактически есть.

Франция не хотела бы существования лагерей, но она не та, какой была в прошлом. Ее роль в международном плане уменьшилась. Россия тоже не та. Ее значение возросло, она стала сильнее. Однако наши страны находятся на одном континенте, и дистанция между ними с развитием техники все время сокращается. В связи с этим мы не можем не быть настороже. Поэтому мы и состоим в лагере, который называется западным...

Достижение согласия между нашими странами было бы тем более легким делом, что между нашими государствами нет никаких территориальных споров...»³⁶

Хрущев, со своей стороны, подчеркнул: «Что касается отношений между Францией и Советским Союзом, то я с Вами полностью согласен, что между нами нет существенных разногласий...»

Нам понятны Ваши устремления как президента Франции и генерала. Они нисколько не противоречат нашим интересам. Наши пути, я бы сказал, наши шаги нигде не скрешиваются.

Политика возвеличивания Франции не только не противоречит нашим интересам, я даже сказал бы больше, она импонирует нам. Но, исходя из простых человеческих чувств, я хотел бы добавить, что, как бы ни была велика Франция, мы были бы всегда ее достойным партнером, и наше величие было бы достойным величия Франции. В этом отношении наша позиция отличается от позиции некоторых других стран, которые считаются друзьями Франции, но вместе с тем относятся ревниво к ее величию. Это я хотел бы подчеркнуть с особой силой»³⁷.

Однако, несмотря на такое многообещающее начало, каких-либо значительных политических результатов во время переговоров двум лидерам достичь не удалось. Представители обеих стран лишь подписали различные договоры о техническом и научном сотрудничестве, а также соглашение о необходимости разрешения неурегулированных международных вопросов не путем применения силы, а мирными средствами.

Невзирая на значительные политические разногласия между главами государств, де Голль и Хрущев оставили уважительные воспоминания друг о друге. Президент Франции писал: «Хрущев охотно вступал в беседу. Особенно непринужденно и расслабленно он вел ее, когда мы оставались один на один, только с переводчиками. При большой разнице в нашем происхождении, образовании и убеждениях между нами установился хороший контакт. Мы разговаривали как мужчина с женщиной»³⁸.

В свою очередь Хрущев так охарактеризовал де Голля: «...личное знакомство убедило меня, что этот генерал очень хорошо разбирался в политике, в международных вопросах и занимал четкую позицию, отстаивая интересы Франции. Он вовсе не был подвержен чужому влиянию, ему вообще нельзя было навязать чужое мнение, особенно в политике, не отвечавшее интересам Франции. По всем вопросам, которые мне приходилось с ним обсуждать, он высказывался сам, не нуждаясь в комментариях министерства иностранных дел или премьер-министра, хотя на такие беседы последний приглашался»³⁹.

Главы государств выделялись и в неформальной обстановке. Премьер-министр Мишель Дебре описал в своих воспоминаниях следующий эпизод. После одной из встреч в Рамбуйе де Голль и Хрущев спустились в сопровождении премьера Франции и Косыгина к озеру, чтобы покататься на лодке. Каково же было удивление Дебре, когда он услышал, как де Голль запел по-русски:

Из-за острова на стрежень
На простор речной волны
Выплывают расписные
Стеньки Разина челны...

А Хрущев начал ему подпевать⁴⁰. Откуда мог знать эту песню президент Французской республики? Может быть, давным-давно, в 1918 году в крепости Ингольштадт ее пели русские офицеры? Ведь память генерала была феноменальной.

Своим личным контактом руководители двух стран остались довольны. Де Голль отмечал в мемуарах: «Хрущев уезжал 3 апреля благодушный и веселый. Должен признаться, что я был под впечатлением от его силы и энергичности. И я был расположен думать, что, несмотря ни на что, мир во всем мире имеет шансы быть и что у Европы есть будущее. Я поймал себя на мысли, что, по большому счету, в вековых отношениях между Россией и Францией произошло что-то значительное»⁴¹.

Проводив главу СССР, де Голль сразу отправился в Англию, осуществив с 5 по 8 апреля свой первый официальный визит в эту страну. Президент Франции был благодарен туманному Альбиону за гостеприимство, оказанное ему, опальному генералу, во время войны. Он не раз говорил об этом во время поездки. Де Голль вел переговоры с премьер-министром Макмилланом, встречался с королевой Елизаветой II, побывал в гостях у Черчилля, посетил Вестминстерское аббатство. Генерала приняли радушно, и он считал свой визит удачным. Однако главное выяснение отношений между Францией и Великобританией было впереди.

В конце апреля — начале мая де Голль вылетел в Западное полушарие. Он прибыл сначала в Канаду, а потом в Соединенные Штаты. Во время встреч с Эйзенхауэром президент Франции уже не касался темы НАТО, понимая, что к согласию с хозяином Белого дома не придет. Они разговаривали главным образом о европейских делах и о встрече в верхах, которая должна была состояться в Париже в мае. Перед возвращением на родину генерал заехал во французские заморские территории — Гвиану, Мартинику и Гватемалу.

Печально известная конференция в верхах при участии де Голля, Эйзенхауэра, Макмиллана и Хрущева прошла в Париже 16—17 мая 1960 года. Главы США, Великобритании, Франции и Советского Союза должны были обсудить условия обеспечения мирного сосуществования, проблемы разоружения, германский вопрос. Однако незадолго до этого советскую границу пересек американский самолет-разведчик У-2. Хрущев вылетел во Францию, но в пути задавался вопросом, можно ли ждать от США на конференции принятия разумного соглашения, если они «перед встречей подложили под нее мину»⁴².

Прибыв в Париж, Хрущев немедленно потребовал у Эйзенхауэра извинений, а тот категорически отказался это сделать. Руководитель СССР вспоминал впоследствии: «Де Голль и Макмиллан убеждали меня не требовать извинений: США — великая страна, ее президент не может делать такое публичное заявление, и его нельзя вынуждать. Но я парировал сей аргумент, сказав, что мы тоже не маленькая страна и считаем себя великой державой. Поэтому мы тем более не можем согласиться с тем, чтобы великая страна наносила оскорбления хотя бы и малым странам»⁴³.

Де Голль действительно изо всех сил старался уговорить Хрущева начать переговоры, но тот наотрез отказался и покинул Париж. Конференция была сорвана. 18 мая раздосадованный президент Франции писал сыну: «На этот раз собственно конференция не состоялась... она вылилась в закулисный русско-американский спор. На мой взгляд, американцы виноваты, потому что запустили свой У-2 в канун совещания... а потом к тому же делали противоречивые заявления. Представители СССР виноваты в том, что раздули дело и превратили его в военную машину, направленную на Эйзенхауэра персонально. Однако ни те ни другие войны не желают. Значит, однажды нужно будет возобновить разговор. А мы должны из этого сделать вывод: нам надо существовать самостоятельно. Для этого Франции необходима эффективная ядерная сила»⁴⁴.

1960 год вошел в историю как год Африки. Почти весь Черный континент освободился от колониальной зависимости. Самостоятельными стали и бывшие французские территории — Камерун, Того, Чад, Убанги-Шари (Центрально-Африканская Республика), Конго, Габон, Дагомея (Бенин), Нигер, Берег Слоновой Кости, Верхняя Вольта (Буркина-Фасо), Мадагаскар, Судан, Сенегал и Мавритания. Президент Франции с некоторым сожалением, но в то же время с пониманием реагировал на происходящее. В речи 14 июля

1960 года он заявил: «Нет ничего странного в том, что испытываешь ностальгию по Империи. В точности так же можно сожалеть о мягкости света, который некогда излучали масляные лампы, о былом великолепии парусного флота, о прелестной, но уже не существующей возможности проехаться в экипаже. Но ведь не бывает политики, которая идет вразрез с реальностью»⁴⁵.

Молодые африканские государства, отделившись от метрополии, не теряли связей с ней. На протяжении всего президентства де Голль принимал их руководителей в Париже. Франция сохраняла в Центральной и Западной Африке свое влияние.

Ситуация в Алжире продолжала развиваться самым мучительным образом. Два последних месяца 1960 года стали новой вехой в алжирской политике де Голля. 4 ноября президент республики высказался за создание «алжирского Алжира», который имел бы «собственное правительство, свои институты и законы»⁴⁶. Через два дня в письме сыну генерал замечал: «Я продолжаю дело по высвобождению нашей страны из пут, которые еще ее обволакивают. Алжир — одна из них. С тех пор как мы оставили позади себя колониальную эпоху, а это, конечно, так, нам нужно идти новой дорогой, но надо это делать умело. В конце концов все поймут, что Северная Африка гораздо больше нуждается в нас, чем мы в ней»⁴⁷. В речи 20 декабря де Голль подтвердил, что будущий Алжир мыслится им как «государство со своим правительством»⁴⁸. Президент республики объявил, что выносит свою алжирскую политику на референдум как в метрополии, так и в Алжире.

Всеобщий референдум состоялся 8 января 1961 года. Его результаты показали, что большинство французов согласны с президентом. В метрополии положительный ответ дали 75,25% голосовавших, в Алжире — 70,9%. Тем не менее до конца алжирской драмы было еще далеко. Колониальная война продолжалась. Несмотря на отзыв с территории Алжира почти всех сочувствующих «ультра» высших военных чинов, в армейских кругах нарастало недовольство политикой президента.

В апреле 1961 года в Алжир прибыли отставные генералы Рауль Салан, Эдмон Жуо, Морис Шаль и Андре Зеллер. В ночь на 22 апреля они развязали мятеж при поддержке военного контингента и гражданских лиц. Восставшие захватили власть в алжирской столице, потребовали сохранения Алжира под французским суверенитетом и свержения президента и его правительства.

Де Голль не потерял самообладания. Он ввел во Франции чрезвычайное положение и 23 апреля выступил по радио и телевидению. Президент гневно восклицал: «Государство осмеяно, нация выведена из себя, власть унижена. Наш международный авторитет погран, наша роль и наше место в Северной Африке скомпрометированы. И кем же? Увы, людьми, долг, честь и разум которых должен заключаться в том, чтобы служить и повиноваться. Во имя Франции я приказываю использовать все средства, именно все средства, чтобы преградить дорогу этим людям. Я запрещаю любому французу и прежде всего солдату выполнять их приказы. Француженки, французы, помогите мне!»⁴⁹

На следующий день в метрополии более десяти миллионов человек в знак солидарности с президентом провели забастовку. В Алжире многие французские солдаты и офицеры отказались подчиниться мятежникам. Уже вечером 24 апреля там высадилась французская морская пехота, и «фронта генералов» была подавлена. Зачинщики мятежа скрылись за границей.

Де Голль всегда был решителен в действиях против своих врагов. Однако «алжирская проблема» легла тяжелым камнем и на его сердце. Как-то в 1961 году президент, едва сдерживая эмоции, сказал Алену Пейрефиту: «Вы думаете, что мне легко? Мне, который воспитан в духе святого почитания нашего национального флага, французского Алжира, французской Африки, армии как гаранта Империи. Вы думаете, для меня — это не испытание? Вы думаете, я не переживаю, когда приходится где бы то ни было сворачивать наши знамена?»⁵⁰

Противники де Голля тем временем ужесточили свои действия. В 1961 году военные и гражданские сторонники «французского Алжира» создали так называемую Вооруженную секретную организацию (ОАС). Они развернули террор во Франции и в Алжире, готовили покушения на президента республики, пытаясь таким образом помешать созданию алжирского государства. Генерал же опять занялся международными проблемами.

31 мая 1961 года в Париж с официальным визитом приехал новый президент США Джон Кеннеди. Де Голлю понравился этот молодой и энергичный человек. Генерал был очарован красотой и элегантностью его жены Жаклин. Американскую чету принимали в Елисейском дворце и даже в Версале. Казалось, все складывалось как нельзя лучше. Однако переговоры президентов показали, что разногласия между США и Францией остались прежними.

Де Голль и Кеннеди беседовали семь раз. Разговор шел о роли НАТО в европейских делах, возможности применения атомного оружия. Генерал надеялся, что новый президент Соединенных Штатов примет, в отличие от Эйзенхауэра, его аргументы по поводу изменения статуса Франции в НАТО. Но Кеннеди не изменил позиции США. Собеседники пришли к согласию лишь по германской проблеме. Де Голль подтвердил, что поддержит любое решение американцев по данному вопросу. Правда, пока западные страны решали, что следует предпринять, в июле 1961 года Берлин разделила стена.

В ЕЛИСЕЙСКОМ ДВОРЦЕ

Сразу после своего вступления в должность в январе 1959 года де Голль переехал в президентский Елисейский дворец. Ему он не нравился. Генерал считал, что история дворца не имеет ничего общего с величием Франции. Это двухэтажное здание было построено в начале XVIII века в период регентства Филиппа Орлеанского. Одно время им владела мадам Помпадур. В самом конце века дворец приобрел маршал Мюрат и подарил его Наполеону. Тот отдал здание в распоряжение своей первой жены Жозефины. Для императора ее дом стал последним парижским жилищем. После поражения под Ватерлоо он нашел в нем пристанище на несколько дней. В Серебряном салоне на первом этаже Бонапарт подписал свое отречение от престола. В период Второй империи во дворце жил Наполеон III, а начиная с Третьей республики дом стал резиденцией президентов Франции. Самая пикантная история, связанная с Елисейским дворцом, произошла в 1899 году, когда президент республики Феликс Фор пригласил к себе любовницу мадам Стеней и умер в ее объятиях. Это вызвало грандиозный скандал.

Де Голль подумывал о том, чтобы перенести резиденцию в другое место. Он говорил и о дворце Инвалидов, и о Венсенском замке, и о некоторых других зданиях, но в конце концов решил не менять традиции и обосновался в Елисейском дворце. Однако президент неоднократно заявлял о том, что не любит его. Ален Пейрефит услышал однажды следующее: «У меня вызывает антипатию этот дворец. Он полон неприятных фантомов, начиная от Помпадур и заканчивая мадам Стеней»⁵¹.

Для своего рабочего кабинета де Голль выбрал Золотой салон в центральной части второго этажа. Он показался ему

самым удобным, так как его окружало несколько небольших комнат. В них расположились генеральный секретарь Елисейского дворца, технические секретари и адъютанты. У де Голля никогда не было собственной квартиры в Париже, поэтому дворец стал и его домом. Он обустроил личные апартаменты также на втором этаже. От рабочего кабинета их отделяла только так называемая банная комната императрицы Евгении, жены Наполеона III. Окна личных покоев де Голля выходили на небольшой парк Елисейского дворца. Президенту и его жене нравилось смотреть на этот кусочек зелени в центре шумного города, посередине которого по небольшому озерку плавали утки и лебеди.

В каждодневной работе генералу помогали специальные службы Елисейского дворца. В них входило всего 45 человек. Главным помощником де Голля и центральной фигурой служб являлся генеральный секретарь Елисейского дворца. Он был связующим звеном между президентом и правительством, держал под контролем все события французской политики, по несколько раз в день встречался с генералом, неизменно присутствовал на заседаниях, проходивших во дворце. Под непосредственным началом генерального секретаря работали советники де Голля: по конституционным, административным и юридическим вопросам, по внешней политике, по вопросам экономики и финансов, по социальной политике и национальному образованию, по делам бывшей колониальной империи. Второе крупное ведомство при президенте возглавлял его личный секретарь или адъютант. Он занимался проблемами национальной обороны, связями с прессой, организовывал официальные визиты и персональные встречи президента, ведал протоколом.

Рабочий кабинет де Голля — Золотой салон — был декорирован и обставлен в стиле ампир. Стены обиты палисандровым деревом с богатой позолоченной лепниной. Большой письменный стол, за которым сидел президент, мастер вырезал из красного дерева и подбил металлом и сафьяном. В кабинете стояли также диван, три кресла и шесть стульев, большой круглый стол и два маленьких на витых ножках. В глаза обязательно бросался огромный деревянный глобус, подаренный генералу голлистами. На полу лежал ковер ручной работы. А на панно вдоль камина и на плафоне потолка между двумя массивными позолоченными люстрами «резвились» полуобнаженные грации и нимфы. Такое «общество» ничуть не мешало президенту сосредоточенно работать.

Распорядок дня де Голля всегда был четким и строгим. Он вставал обычно в семь тридцать и после легкого завтра-

ка более часа отводил чтению утренней прессы. В девять тридцать генерал уже находился в рабочем кабинете. Он изучал важные государственные досье, дипломатические депеши, документацию по предстоящим в ближайшее время заседаниям, сведения о желающих его увидеть посетителях.

После обеда, в три часа дня президент читал крупнейшую ежедневную газету «Монд». Затем де Голль два дня в неделю опять просматривал государственные досье и писал собственные речи и послания. С документами генерал всегда работал очень тщательно. Он внимательно читал их от начала до конца, делая заметки на полях. Иногда они были суровыми, а чаще всего — веселыми. Дело доходило даже до того, что президент исправлял в них орфографические ошибки и правильно расставлял запятые. В остальные три рабочих дня недели де Голль после обеда занимался выдачей верительных грамот.

По средам с утра в Елисейском дворце под председательством президента проходило заседание совета министров. Оно начиналось в десять и заканчивалось к часу дня. Де Голль приходил неизменно вовремя, здоровался с каждым министром за руку, затем все рассаживались за большим овальным столом. Каждый член кабинета выступал с докладом. Генерал считал эти заседания очень важным делом. Однако некоторые воспринимали происходящее менее серьезно. Молодой министр экономики и финансов Валери Жискар д'Эстен описал это действо с юмором. «Во время докладов члены правительства сосредоточивались только на собственных проблемах. В то же время остальные присутствующие обменивались записками, решая текущие дела. Записки попадали от отправителя к адресату, переходя из рук в руки, как на старинной почте, и огибая непреодолимое препятствие — место президента республики. Когда же на пути записки оказывался премьер-министр, для соблюдения приличий записка передавалась за его спиной». Особую, беспросветную тоску всегда вызывал доклад министра иностранных дел о международном положении. Тогда «поток записок нарастал до такой степени, что министров даже приходилось в осторожной форме призывать к порядку: генерал ограничивался лишь тем, что хмурил брови». И далее Жискар д'Эстен обрисовывает следующую картину: «Де Голль, величественный, исполненный сознания долга, вслушивается в нескончаемый доклад, а с двух сторон от него спят глубоким сном государственные министры Андре Мальро и Луи Жакино, у Мальро лицо подергивается нервным тиком, а у Жакино выражает почти что блаженство»⁵².

Дневной перерыв редко становился для президента временем отдыха, так как к обеду обычно приглашались гости. Это были те же министры, дипломаты, общественные деятели. Разговор с ними шел о делах. Генерал считал, что приглашенных должно насчитываться «больше, чем граций, но меньше, чем муз»*. Так за столом, как правило, собиралось шесть-семь человек. Они спокойно беседовали и обсуждали последние новости.

Де Голль всегда ел с аппетитом, но гурманом его назвать было нельзя. Он предпочитал мясное жаркое с овощами, говядину по-бургундски, телятину в белом соусе, эльзасские сосиски с кислой капустой, запеченную свиную ногу, кролика с черносливом, утиный паштет. Рыбу и устриц президент не любил. Но время от времени эти блюда подавали на стол, так как Ивонна считала, что ее склонному к полноте мужу не вредно поесть их вместо мяса. Ел генерал и сыры. К сладкому десерту он был равнодушен, но иногда пробовал пирожные. Де Голль пил как красные, так и белые вина, а крепких спиртных напитков практически не употреблял.

График работы президента полностью сбивался, когда он уезжал в заграничные поездки, вел переговоры во Франции с представителями зарубежных стран, давал пресс-конференции. Чаще всего они проходили в Елисейском дворце, но нередко — в замке Рамбуйе, расположенном недалеко от Парижа. Его главное здание, окруженное огромным лесопарком, строилось и перестраивалось с XIV по XVIII век и являлось владением французских королей. Иногда де Голль принимал гостей и беседовал с ними в красивом старинном замке Шан в департаменте Сена-и-Марна.

Рабочий день генерала длился примерно десять часов, но только в те дни, когда не было официальных вечерних приемов. А таковые проходили достаточно часто. В 1959 году администрация Елисейского дворца насчитала 103 приема, в следующем — 118, а в 1963 году — целых 145. Они устраивались в президентском дворце Парижа по самым разным поводам. На них приглашались министры, депутаты, сенаторы, дипломаты, военные, бизнесмены, представители общественных организаций и прессы, ученые, писатели, артисты, спортсмены. Де Голль со всеми был одинаково вежлив, учтив с дамами, но не галантен, не целовал им руки.

* Грации — в античной мифологии три богини красоты, изящества и радости. Музы — девять богинь — покровительниц поэзии, наук и искусств.

Правда, он отдавал дань их красоте и элегантности туалетов. Как-то Брижит Бардо появилась в Елисейском дворце в костюме гусара. Президент с улыбкой отметил: «Ба, военный?!» Находящиеся рядом с ним люди так и не поняли, сказал он это, потому что хотел пошутить, или оттого, что плохо видел. Сотрудники президента спорили о том, кого де Голль предпочитает — блондинок или брюнеток? Ему нравились и Жаклин Кеннеди с темными волосами, и белокурая Грейс Келли, принцесса Монако. Сын генерала утверждал, что все-таки — брюнеток, и напоминал, что у его матери были темно-каштановые волосы⁵³.

В период президентства де Голля вошло в традицию проводить приемы и в Версальском дворце. Они устраивались там в исключительных случаях, в честь глав зарубежных государств, и проходили в Зеркальном зале. Очень хорош этот зал был весной, в дни долгих сумерек. В вазах на столах стояли свежие тюльпаны, в больших светильниках зажигали свечи. Нежные бордово-пурпурные лепестки цветов и плавно сияющий желтоватый огонь свечей мерцали в отражениях зеркал и напоминали о балах давно минувших дней. А в проемах окон, в розовых лучах заходящего солнца сверкал всем своим величием старинный парк. Шелест только что распустившейся нежно-зеленой листвы сливался с мерным гудением бело-дымчатых струй фонтанов. И казалось, что статуи древнегреческих богов вот-вот оживут и разбредутся по дорожкам, чтобы вдоволь насладиться красотой весенней природы и творений рук человеческих.

Помимо приемов де Голль присутствовал на официальных церемониях. Четыре из них, если он не находился за границей, не пропускал никогда. 8 мая, в ознаменование победы над фашизмом, президент возглавлял празднование у Триумфальной арки. 18 июня, в день своего исторического призыва к французам, он отправлялся на холм Валерьен. 14 июля, в честь главного национального праздника, генерал принимал парад на Елисейских Полях. Наконец, 11 ноября он участвовал у Триумфальной арки и памятника Жоржу Клемансо в церемонии, посвященной победе Франции в Первой мировой войне.

В 1960 году на холме Валерьен был открыт мемориальный комплекс, увековечивший память погибших участников движения Сопротивления. В следующем году об этом мемориале выпустили специальную книгу-альбом. Президент республики сам сделал к нему предисловие-посвящение, сочиненное им белым стихом:

Солдаты, навсегда уснувшие в пустынях,
в горах и на равнинах.

Утонувшие моряки, убаюканные океанскими
волнами.

Летчики, стремившиеся в небо и разбившиеся
на земле.

Бойцы Сопротивления, погибшие в маки
и на эшафотах.

Все вы до последнего дыхания соединились
с именем Франции.

Именно вы прославляли отвагу, освящали усилия,
подкрепляли решения.

Вы встали во главе огромной и прекрасной когорты
сынов и дочерей Франции, которые в испытаниях утверждали
величие.

Ваши замыслы в свое время смягчали наш траур.

Ваш пример сегодня — основание для нашей гордости.

Ваша слава навсегда останется спутницей
нашей надежды^{54*}.

ЕВРОПА

В первые годы своего президентства де Голль уделял большое внимание проблеме «объединения Европы». Она интересовала его давно. Ведь еще в 1948 году генерал заявлял о «необходимости строительства Европы»⁵⁵. В 1957 году, в период правления правительств Республиканского фронта, Франция подписала совместно с ФРГ, Италией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом соглашение об организации «Общего рынка» или Европейского экономического сообщества (ЕЭС). Все шесть стран обязались постепенно упразднить таможенные барьеры в торговле, ликвидировать экономические границы и образовать единую зону свободного обращения товаров, капиталов и рабочей силы.

Договор о ЕЭС вошел в действие 1 января 1959 года. Де Голль отнесся к этому вполне положительно. Однако он хотел не только и не столько экономического объединения стран шестерки, сколько прежде всего политического единения. Еще будучи премьер-министром, 13 августа 1958 года генерал заявил: «Европа должна стать практической реальностью в политическом, экономическом и культурном плане... Европейская кооперация должна утвердиться и за пределами Европы, касательно важных проблем мировой политики... Для того чтобы достигнуть этих целей, между правительствами заинтересованных стран должны проводиться регулярные консультации»⁵⁶.

* Перевод автора.

14 июля 1959 года в беседе с послом СССР Виноградовым президент Франции подчеркнул следующее: «Мы за организацию “большой Европы”. Надо дать возможность жить и иметь перспективу также и таким странам, как ФРГ и Италия, хотя они и участвовали в войне против СССР и Франции»⁵⁷. Незадолго до этого де Голль уже начал разговор об «объединенной Европе» с политическими деятелями и руководителями государств, входящих в ЕЭС. Во время официального визита в Италию в июне он предложил главе ее правительства Антонио Сеньи устраивать регулярные заседания министров иностранных дел Франции, Западной Германии и Италии с тем, чтобы проводить консультации по важнейшим проблемам международных отношений. Правда, сразу возникли сложности. Итальянцы настаивали на участии в совещаниях Бельгии, Нидерландов и Люксембурга, а последние хотели, чтобы на них была представлена также Великобритания. В июле следующего года во время встречи с Аденауэром в Рамбуйе де Голль поднял перед канцлером вопрос о более тесном сплочении шести стран «Общего рынка».

Чего хотел президент Франции от «единой Европы»? Он мыслил ее прежде всего не как наднациональное объединение, а как «Европу отечеств» и, главное, не подверженную влиянию извне. В 1960 году генерал прямо сказал Алену Пейрефиту: «Я хочу, чтобы Европа была европейской, то есть — не американской»⁵⁸. Иными словами де Голль выступал за объединение, независимое от НАТО, а ведущее собственную политику. Тот же Пейрефит услышал однажды от президента: «НАТО — это уловка. Это структура, цель которой — скрыть господство Америки над Европой. Благодаря НАТО Европа поставлена в зависимость от Америки»⁵⁹. Генерал, конечно, мечтал, чтобы тон в «Европе отечеств» задавала Франция.

В 1961 году состоялось два заседания стран «Общего рынка» — в феврале в Париже и в июле в Бонне. Однако концепция «независимой» Европы де Голля не понравилась партнерам Франции. Бельгия, Нидерланды и Люксембург, а отчасти и Италия выступали за тесный союз с НАТО. Страны Бенилюкс к тому же ратовали за вовлечение в «Общий рынок» Великобритании, которая, со своей стороны, тоже к этому стремилась. Такая ситуация совсем не нравилась де Голлю, который называл Англию «сателлитом» Соединенных Штатов, проводником их интересов в Европе. Участники парижского и боннского совещаний смогли лишь договориться о создании Международной политической комиссии, состоявшей из представителей стран шестерки. Ее целью

была разработка политической структуры, объединяющей государства «Общего рынка». Во главе комиссии встал Кристиан Фуше, французский дипломат, верный сторонник де Голля. Президент Франции возлагал на ее деятельность большие надежды. В сентябре 1961 года работа началась.

Тем временем одной из ключевых для Франции оставалась «алжирская проблема». Де Голль говорил в 1961 году: «Алжирское дело — это уже прорвавшийся нарыв и его надо вычистить до конца»⁶⁰.

В середине года по поручению генерала его бывший личный секретарь, работающий теперь в банке Ротшильда Жорж Помпиду, начал в Швейцарии переговоры с представителями Фронта национального освобождения Алжира о прекращении огня. А на территории Франции продолжала действовать ОАС. Многие члены этой террористической организации были схвачены и отданы под суд. Перед военным трибуналом предстали отставные генералы Салан, Жуо, Зеллер и Шаль. Однако еще немало оасовцев оставались на свободе и организовывали террористические акты. Взрывы раздавались на улицах, площадях, в магазинах, около домов известных политиков, деятелей литературы и искусства, известных своим положительным отношением к алжирской политике де Голля.

Сам президент республики давно стал мишенью для членов ОАС. Два раза во время общественных мероприятий в Париже в него стрелял снайпер, но промахнулся. 8 сентября 1961 года, поздно вечером в пятницу, когда машина де Голля следовала в Коломбэ, в местечке Пон-сюр-Сен, прямо перед ней взорвалась бомба. Шофер быстро среагировал и на полной скорости пересек линию огня. Никто не пострадал. Генерал не потерял хладнокровия.

Переговоры в Швейцарии шли трудно, не один месяц. В начале 1962 года они наконец увенчались успехом. 18 марта в городке Эвиан был подписан долгожданный договор об окончании кровопролитной войны. 8 апреля на всеобщем референдуме его одобрили 90,6% французов. Алжир дорого обошелся Франции. За семь лет войны она потеряла 55 тысяч солдат и офицеров. Теперь метрополия должна была принять на своей территории почти миллион европейцев, вынужденных покинуть Алжир. И все-таки с заключением Эвианских соглашений для Пятой республики завершился первый, очень важный период ее существования. Последняя колониальная война страны ушла в историю.

Де Голль считал, что отныне, справившись с «алжирской драмой», Франция может полностью посвятить себя реше-

нию собственных проблем. Президент решил, что двигаться дальше страна должна с новым премьер-министром. Мишель Дебре ушел в отставку. На его место генерал назначил Жоржа Помпиду. Правда, нового главу кабинета довольно прохладно встретили в политических кругах. Его почти не знали. Он никогда не был ни депутатом, ни сенатором, ни министром, ни даже дипломатом или советником.

Вторая половина 1961-го — начало 1962 года стали временем интенсивных дебатов между странами «Общего рынка» по концепции политического союза, разработанной комиссией под председательством Фуше. Проект получил название «плана Фуше». Согласно ему первоначально среди главных целей политического союза стран ЕЭС были названы следующие: проведение общей внешней политики в интересах всех входящих в союз государств, их тесное сотрудничество в области науки и культуры, защита прав человека, политических свобод и демократии, проведение общей политики по обороне и безопасности.

«План Фуше», составленный под личным контролем де Голля, обсуждался и перерабатывался не один раз. Главными оппонентами Франции выступили страны Бенилюкс. Их не устраивала прежде всего обособленность «единой Европы» от НАТО. Помимо того, они опять выступили за привлечение к «Общему рынку» Англии. Франция сначала шла на некоторые уступки, но все же к согласию шесть стран прийти так и не смогли. В результате в апреле 1962 года «план Фуше» был похоронен.

Де Голля такая ситуация раздосадовала, но тем не менее он надеялся, что настанет день, когда можно будет вернуться к вопросу об образовании «Европы отечеств», независимой от НАТО. Пока же он выступил за укрепление союза Франции с Германией. «На самом деле, — писал президент канцлеру, — будущее Европы зависит главным образом от наших двух стран, и мы с вами воодушевлены одной и той же верой в это»⁶¹. В июле Аденауэр прибыл во Францию с официальным визитом. В ответную поездку де Голль собирался в сентябре. Но некоторые обстоятельства чуть было не сорвали ее.

22 августа 1962 года, в пятницу де Голль выехал из Парижа по направлению к аэродрому Виллакубле, чтобы оттуда вертолетом добраться до Коломбэ. Он находился в машине с женой, зятем Аленом де Буассье и шофером. Президентский эскорт состоял всего лишь из двух мотоциклистов и одной машины сопровождения. Едва покинув город, автомобиль де Голля оказался на перекрестке у деревушки Пти-Кларм. И здесь де Буассье увидел, как с ними поравнялась

другая машина. Стекла в ее дверце были опущены, а из проемов выставлены дула двух автоматов. Зять генерала только успел крикнуть: «Нагнитесь!» Президент с женой, сидящие на заднем сиденье, моментально среагировали. Тут же прозвучали автоматные очереди. Пули пробили стекла и капот машины. Просто чудом все уцелело. Только один мотоциклист получил легкое ранение⁶². Покушение на президента республики организовал полковник в отставке Жан Бастьен-Тири. Вскоре его с сообщниками схватили.

Де Голль на этот раз был менее спокоен, но только из-за того, что в машине рядом с ним находилась Ивонна. После происшедшего он писал сестре Мари-Аньес: «Совершенно очевидно, что покушение вполне могло бы привести к гибели четырех человек. Для меня это был бы надлежащий “уход”. Но я благодарен Всевышнему за то, что он пощадил Ивонну, Алена де Буассье и отважного шофера»⁶³.

Президент считал совершенно естественным, что за ним охотятся. Он прекрасно понимал, что предал надежды сторонников «французского Алжира». Генерал даже говорил об оасовцах: «То, что они делают, — низко, но мотивы преступления — не столь низки»⁶⁴. Именно поэтому де Голль помиловал многих членов ОАС. Он вообще всегда очень внимательно изучал дела преступников, приговоренных к смертной казни. Их досье присылали в Елисейский дворец, когда родные и адвокаты просили президента о помиловании. Де Голль почти никогда не отказывал приговоренным женщинам. Он заменил высшую меру наказания пожизненным заключением Салану, Жуо и многим другим военным. А вот для Бастьена-Тири генерал это сделать отказался. Он заявил, что не отменит смертного приговора, потому что, обстреливая машину, преступник прекрасно знал, что в ней находится женщина.

4 сентября 1962 года президент Франции отправился в свой первый официальный визит в Западную Германию. Он придавал ему большое значение. Де Голль искренне хотел, чтобы между его страной и ФРГ установились самые дружественные отношения. Генерал говорил: «Главное, чтобы два наших народа изгнали из глубины своей души злых духов прошлого, чтобы они теперь поняли, что нужно объединиться навсегда. И это должно произойти не только на уровне политических деятелей, но и народного сознания»⁶⁵. А сыну президент Франции как-то сказал: «Да, сегодня Германия ампутирована на треть. Но это ненадолго. Необходимо доверять энергии этого народа»⁶⁶.

За шесть дней визита де Голль посетил Бонн, Кёльн, Дюссельдорф, Гамбург, Мюнхен, Штутгарт. Он вел перегово-

воры с канцлером Аденауэром и президентом Генрихом Любке. Несколько раз генерал выступал с речами, в том числе на немецком языке. Немцы проявили по отношению к президенту Франции большое радушие. Где бы он ни появлялся, его приветствовали толпы народа. Де Голль покидал ФРГ в превосходном расположении духа. По возвращении на родину он отмечал: «Я вижу в выражении тех дружеских чувств, которые были проявлены ко мне в Германии, долгое тайное тяготение немцев к Франции. Меня это очень тронуло»⁶⁷.

ВСЕОБЩЕЕ ГОЛОСОВАНИЕ

Осенью 1962 года разразился Карибский кризис. В ответ на угрозы и действия со стороны США покончить с молодой Кубинской республикой во главе с Фиделем Кастро советское руководство разместило на Кубе свое ракетное оружие. Президент Кеннеди потребовал от СССР немедленно убрать его и установил «карантин» на все виды наступательного оружия, перевозимые на Остров свободы. Началось жесткое противостояние, поставившее мир на грань атомной войны. В конечном счете Советский Союз и Соединенные Штаты «проявили благоразумие», пошли на взаимные уступки и катастрофы удалось избежать.

Де Голль с самого начала конфликта занял твердую позицию и заявил о своей безоговорочной поддержке США. Он собрал во время Карибского кризиса заседание правительства и затем сам написал следующую декларацию: «Совет министров выразил полное понимание Франции по поводу обеспокоенности Вашингтона из-за установки на Кубе советского наступательного оружия... Расценивая события на Кубе как региональные, совет тем не менее отдает отчет в том, какие последствия они могли бы иметь и для безопасности Европы. В связи с этим наши обязательства по НАТО есть и останутся основой политики Франции»⁶⁸.

Кеннеди оценил такую позицию де Голля. Вообще между генералом и этим президентом США, несмотря на серьезные разногласия, сложились отношения взаимного уважения. Де Голль говорил о Кеннеди сыну: «Когда я смотрел на него, мне казалось, что предо мной ты: я видел перед собой молодого человека, который готов прислушаться к опыту старшего»⁶⁹.

Президент Франции, без сомнения, испытывал чувство огорчения от того, что Кеннеди так и не захотел поставить Францию внутри Атлантического блока в равноправное по-

ложение с США и Великобританией. В 1962 году в письме к нему генерал отмечал: «Я очень сожалею, что три великие державы Запада, связанные союзом и сыгравшие большую роль во время двух мировых войн, и такие близкие по своему конституционному и идеалам, не хотят играть совместно “концерт”, независимо от других мировых сообществ, включая атлантическое»⁷⁰. И тем не менее, в момент Карибского кризиса, де Голль прямо заверил Кеннеди: «Если бы война началась, Франция встала бы на сторону Соединенных Штатов»⁷¹.

В самой Франции осенью 1962 года тоже произошли важные события. Де Голль выступил инициатором вынесения на всеобщий референдум важнейшей поправки к Конституции 1958 года — о выборах президента республики. Вернувшись к власти, он не захотел сразу менять в стране традицию, существующую почти сто лет, и оставил в новой конституции статью об избрании главы государства косвенным голосованием. Теперь же генерал решил, что пришло время выбирать президента всеобщим голосованием, и объявил, что выносит этот вопрос на референдум. Де Голль заявил: «Конституция вполне может меняться. Не надо ее мумифицировать»⁷².

Намерению президента воспротивились практически все французские политические партии. Коммунисты и социалисты и так стояли в оппозиции к де Голлю с момента его вступления в должность. В 1960 году к ним присоединились радикалы. И вот теперь входящие в правящий блок «независимые» и представители Народно-республиканского движения (МРП) тоже выступили с резкой критикой политики генерала. Их давно не устраивала позиция, которую он занял внутри НАТО и «Общего рынка», а теперь еще и поправка к конституции. Раньше президент находился в зависимости от партий, так как именно из их представителей составлялась коллегия выборщиков, избирающих главу государства. Теперь же он фактически освобождался от их контроля.

В Национальном собрании кипели страсти. Согласно Конституции 1958 года отправить в отставку правительство депутатам было очень сложно. Для этого по крайней мере десятая часть их подписывала так называемую «резолюцию порицания». Если необходимые подписи собирались, вопрос выставлялся на голосование. Кабинету отказывалось в «доверии» только абсолютным большинством голосов. «Резолюция порицания» подавалась председателю Национального собрания не один раз, но при голосовании никогда не собирала абсолютного большинства. 5 октября 1962 года впервые в истории Пятой республики за нее было подано

необходимое число голосов, и кабинет Помпиду был опрокинут. Так депутаты высказали свое недоверие политике де Голля. Однако президент, используя свое конституционное право, незамедлительно распустил взбунтовавшееся Национальное собрание. Всеобщий референдум назначили на 28 октября. Противники де Голля — социалисты, радикалы, МРП и «независимые» — объединились в Картель «нет». Одним из его лидеров стал Поль Рейно, который много лет назад так ревностно защищал военную доктрину будущего президента страны. Новая идея его бывшего протеже, а теперь всемогущего главы государства, явно пришлась председателю кабинета министров Третьей республики не по душе.

Старания Картеля «нет» не увенчались успехом. На референдуме 61,7% французов дали положительный ответ. Так поправка к конституции об избрании президента республики всеобщим голосованием была принята. В ноябре прошли выборы в Национальное собрание. Голлистская партия получила 261 место. Жорж Помпиду опять сформировал кабинет, состоящий теперь только из представителей Союза за новую республику и небольшой части «независимых» во главе с Валери Жискар д'Эстеном, пожелавших остаться у власти. Коммунисты, социалисты и радикалы составили левую оппозицию, а МРП и «независимые» — правую.

Президент республики, одержав очередную победу во Франции, опять вернулся к внешней политике. В самом конце 1962 года предметом его забот стали отношения с Англией. Ее премьер-министр Гарольд Макмиллан в декабре прибыл в очередной раз в Париж. Он упорно настаивал на вступлении Великобритании в «Общий рынок». Де Голль категорически противился этому. Генерал не без оснований считал, что принятие Англии в ЕЭС означало бы введение в него сильного претендента на лидерство в Западной Европе, к тому же тесно связанного с Соединенными Штатами. Помимо того, он не хотел конкуренции со стороны Великобритании для французских товаров, главным образом сельскохозяйственных.

Де Голль припомнил Англии все ее грехи по отношению к Франции, заявив Алену Пейрефиту буквально следующее: «Наш исконный враг — это не Германия, а Великобритания. Начиная со Столетней войны и до Фашоды*, она не переставала выступать против нас. После этого она с трудом

* Фашода, или Фашодский кризис 1898 г. — конфликт между Англией и Францией, вызванный борьбой за колониальное господство в Африке. Возник после захвата французским военным отрядом селения Фашода на Верхнем Ниле.

сдерживалась, чтобы не сталкиваться с нами. А как она велала себя в межвоенный период?! Она запретила нам отреагировать на оккупацию немцами демилитаризованной Рейнской области. Она помешала нам воспрепятствовать вооружению Германии. Она бросила нас в Дюнкерке. Она играючи обстреляла наш флот в Мерс-эль-Кебире. Она предала нас в Сирии. Она постоянно блокируется с Америкой. Она хочет помешать нам хорошо вести дела в “Общем рынке”. Да, она была нашей союзницей в двух мировых войнах, но никогда не желала нам добра»⁷³. В январе 1963 года президент Франции решил рассчитаться с англичанами за все их прегрешения. Он наложил вето на вступление Великобритании в ЕЭС.

В том же месяце произошло знаменательное событие в истории отношений между Францией и Германией. Канцлер Аденауэр прибыл в Париж и 23 января в торжественной обстановке в Елисейском дворце подписал с президентом франко-германский договор о сотрудничестве*. Он предусматривал проведение регулярных межправительственных совещаний на различных уровнях. Согласно договору главы государств и правительств должны были встречаться не менее двух раз в год, а министры иностранных дел и военные министры — по меньшей мере раз в три месяца. Франция и ФРГ перед принятием решений обязались консультироваться по всем важным проблемам внешней политики, прежде всего связанным с НАТО и «Общим рынком». В мае 1963 года франко-германский договор ратифицировал бундестаг ФРГ, в июне — Национальное собрание Франции. В июле он вступил в силу. Чтобы подтвердить делом зафиксированное на бумаге, де Голль сразу же отправился с официальным визитом в Бонн. Германскую Демократическую Республику президент Франции не признавал и не заключал с ней официальных дипломатических отношений.

Генерал был доволен позициями своей страны на международной арене. В начале 1963 года он заявил: «Каковы главные политические реальности? Прежде всего — Америка... Затем Россия... А третья международная сила? Это — Франция. В настоящий момент мы единственные, не считая американцев и русских, имеем национальные амбиции и с гордостью об этом говорим»⁷⁴. Принимал ли де Голль желаемое за действительное? Возможно. Однако под его руководством Франция постоянно заявляла о себе в полный го-

* Франко-германский договор 1963 г. действует по сей день.

лос и вела независимую, порой оригинальную внешнюю политику. В июне 1963 года президент объявил о выводе французского флота в Атлантическом океане и в проливе Ла-Манш из-под командования НАТО. В августе де Голль отказался подписать в Москве вместе с Советским Союзом, Соединенными Штатами и Англией договор о запрещении испытаний ядерного оружия. Объясняя свое решение, он указывал в письме Макмиллану, что Франция «начала гораздо позже реализацию программы, которая должна совершенно независимо привести ее к обладанию собственным атомным оружием, необходимым ей для обороны. Поэтому французское правительство не может прервать свои усилия в данном направлении, пока установленная им цель не будет достигнута»⁷⁵.

Де Голлю не нравилось, что Соединенные Штаты постоянно наращивают военное присутствие в Южном Вьетнаме. Он считал, что его народ должен следовать собственной дорогой, а не быть марионеточным государством. Генерал хотел, чтобы Вьетнам, часть Индокитая, бывшей французской колонии, остался в сфере интересов его страны. 29 августа 1963 года де Голль выступил с декларацией, в которой указал на желание Франции видеть Вьетнам независимым и вести многостороннее сотрудничество с ним⁷⁶.

После неудачи с «планом Фуше» по политической интеграции Европы Франция взялась вести активную экономическую политику внутри «Общего рынка». Она добивалась для себя преимуществ в сбыте сельскохозяйственной продукции. При заключении в конце 1963 года внутри ЕЭС договора по данному поводу ей это удалось.

Де Голль выступал за развитие отношений Франции со всеми странами, которые, со своей стороны, стремились к тому же. В мае 1963 года он посетил Грецию. В октябре президент Франции отправился в Иран, где его принял шах Мохаммед Реза Пехлеви. Главы государств наметили пути сотрудничества между двумя странами. Кроме Тегерана генерал побывал в Исфахане и Ширазе, где осматривал средневековые дворцы и мечети, а также на развалинах древнего Персеполя.

В конце 1963 года президенту Франции пришлось совершить грустное путешествие за океан. В день его рождения, 22 ноября, в Далласе был убит Джон Кеннеди. Узнав о происшедшем, де Голль заявил: «Президент Кеннеди умер как солдат, под огнем, находясь на службе отечеству»⁷⁷. В тот же день, на заседании кабинета министров, генерал сказал о покойном президенте: «Он был одним из тех редких руково-

дителей, которого можно назвать государственным деятелем. Кеннеди был смел и любил свою родину»⁷⁸.

На похоронах в Вашингтоне де Голль мельком увиделелся с новым президентом США Линдоном Джонсоном. С ним у генерала отношения не сложились. Он называл его «ковбоем-радикалом», провинциальным техасцем⁷⁹. Президент Франции вообще считал, что не может вести с Джонсоном достойный диалог, хотя бы из-за разного уровня их интеллектуального развития. Новый хозяин Белого дома тоже не любил де Голля, считая его амбиции безосновательными. В результате взаимопонимания не возникло, и генерал только время от времени язвил по поводу американцев и их политики. Уже в декабре 1963 года президент Франции объявил: «Если Джонсон хочет меня видеть, то пусть приедет в Форде-Франс*, на французскую землю, где я появлюсь через два месяца. Не вижу никаких помех для этого. А вообще, не надо думать, что я не люблю англосаксов. Я их люблю, но при одном условии. Они не должны стремиться господствовать над нами»⁸⁰. В следующем году де Голль сказал о Соединенных Штатах буквально следующее: «В течение двух последних лет американцы только приумножают свои ошибки. Ну чем же можно им помочь? Они сами должны стать умнее. Я все сделал, чтобы наставить их на путь истинный. Если они не хотят ничего понимать, тем хуже для них»⁸¹.

В ЧАСЫ ОТДОХНОВЕНИЯ

Когда де Голль находился в Париже, вечерами, как правило, он отдыхал в Елисейском дворце, если, конечно, не было официальных мероприятий. Ровно в восемь он удалялся в свои личные апартаменты, состоящие из пяти комнат.

Генерал читал, раскладывал пасьянс, сидел у телевизора. Обязательно смотрел вечерние новости, иногда какую-нибудь передачу, а чаще всего — фильм. Президент с молодости очень любил кино. В Елисейском дворце по его просьбе оборудовали кинозал. Там де Голль в кругу родных и близких смотрел картины, которые его интересовали. Ему нравились американские вестерны, особенно со Стивом Маккуином, остро сюжетные ленты о Джеймсе Бонде, фильмы о путешествиях-приключениях — «Вокруг света за 80 дней»,

* Фор-де-Франс — город в заморской территории Франции — на острове Мартиника в Атлантическом океане.

«Двадцать тысяч лье под водой». Он любил также французские кинокомедии с Бурвилем и Луи де Фюнесом. А иногда президент просил, чтобы ему привезли старую кинокартину, например «Огни большого города» или «Великую иллюзию».

В кинозале компанию де Голлю часто составляла Ивонна. Время от времени во дворец приезжали сын и дочь генерала, старшие сыновья Филиппа — Шарль, Ив и Жан. У президента было уже пять внуков. У Элизабет в 1959 году появилась дочь. По просьбе отца она назвала ее Анной. А у Филиппа в 1963 году родился еще один сын — Пьер. Иногда де Голль приглашал и других родственников.

Светская жизнь Парижа генерала не интересовала. Он никогда не выезжал на увеселительные вечера, правда, мог поприсутствовать на ночном балу выпускников Сен-Сира. Президенту всегда было приятно находиться в обществе молодых людей, избравших военную карьеру. Да он никогда и не забывал, что в 1920 году на таком балу понял, что влюбился в Ивонну Вандру.

К изобразительному искусству де Голль относился достаточно спокойно, хотя и отдавал дань красоте его шедевров. В музеи он выезжал редко, но все-таки иногда бывал в Лувре. Еще реже президент посещал выставки. «Затащить» его туда удавалось лишь Андре Мальро. Так, он посмотрел экспозицию картин Никола Пуссена и Эжена Делакруа и тематическую — «Европа в XVI веке».

В драматический театр президент иногда приезжал. В «Комеди Франсез» он предпочитал смотреть древнегреческие трагедии и драмы французских писателей XVII века. Иногда де Голль приходил к артистам за кулисы и, к их удивлению и восхищению, декламировал отрывки из Корнеля или Расина⁸². В театре «Одеон» генерал любил постановки современных драматургов. Особенно ему нравились пьесы Поля Клоделя.

Президент не был поклонником классической музыки. В оперу он практически не выезжал. Исключение составляла разве что «Кармен». Выразительные, пульсирующие страстью арии Бизе ему импонировали. Де Голль иногда говорил: «Музыка должна быть веселой»⁸³. Он любил оперетту и частенько сам напевал знакомые с молодости куплеты из «Прекрасной Елены» и «Великой герцогини Герольштейнской» Оффенбаха и «Мушкетеров в монастыре» и «Фанфана-Тюльпана» Луи Вернея. А особенно ему нравилась оперетта «Роз-Мари», сочиненная в 1924 году американцем чешского происхождения Рудольфом Фримлем⁸⁴.

Еще президент любил простые песенки французских шансонье Шарля Трене, Ива Монтана, Жильбера Беко. Он следил за творчеством Эдит Пиаф. Ее знаменитая песня «Я ни о чем не жалею» запала президенту в душу. Многим приходилось слышать, как он повторяет ее текст:

Non, rien de rien,
Non, je ne regrette rien,
C'est payé, balayé,
Oublié,
Je me foux du passé...
Avec mes souvenirs,
Je allume le feu,
Mes chagrins, mes plaisirs,
Je n'ai plus besoin d'eux...
Je repars à zéro.

Нет,
Я ни о чем не жалею,
Все оплачено, забыто
И выметено из памяти.
Прошлое для меня ничто...
Я сожгу свои воспоминания,
Мне не нужны больше
Ни старые беды,
Ни старые радости...
Сегодня я все начинаю сначала*.

Как, наверное, любому военному, де Голлю нравились марши. Когда в Париж в 1964 году приехал с визитом король Камбоджи Нородом Сианук, президент Франции не поехал с ним в театр. В честь иностранного главы государства устроили представление прямо в саду Елисейского дворца. Духовой оркестр Республиканской гвардии, разодетый в военную форму эпохи Первой империи, исполнил старинные марши. Громкие духовые инструменты и барабаны выводили ритмичные мелодии «Пробуждения в бивуаке», «Почетного ригодона», «Шапок наполеоновской гвардии»⁸⁵. И де Голль и Сианук остались очень довольны.

Иногда на выходные дни президент уезжал в свою загородную резиденцию Рамбуйе. Там устраивалась охота на птиц и даже кабанов. По приглашению де Голля в Рамбуйе приезжали министры, представители дипломатического корпуса, военные из генерального штаба, бывали сын и зять генерала. Сам он не принимал в охоте непосредственного участия, правда, неизменно присоединялся к стрелкам во время последней облавы и вставал позади кого-нибудь из них. Жискара д'Эстен вспоминал, как однажды, приехав в Рамбуйе по приглашению президента и охотясь на фазанов, он вдруг услышал его голос у себя за спиной: «Смотрите! Слева от вас птица!» И действительно, над туями, высаженными в линию, я заметил небольшого светло-коричневого фазана — он планировал прямо на меня, широко расставив крылья. Стало быть, я заблуждался, думая, что де Голль плохо видит»⁸⁶.

Президент никогда не брал отпуска в буквальном смысле этого слова. Для него отдых отождествлялся только с родным Буассери в Коломбэ-ле-дэз-Эглиз. Он старался уезжать

* Перевод автора.

туда на субботу и воскресенье и жил одну-две недели летом. Де Голль любил это время года, потому что в июле или августе в Буассери съезжались дети и внуки. Ему было приятно находиться в их обществе. Чай или кофе пили обычно на свежем воздухе, в саду. Ивонна и Элизабет вязали и шили, а мужчины — генерал, Филипп и Ален де Буассье обсуждали последние новости.

Особую радость президенту приносило общение с внуками. Старшие мальчики выросли, учились в школе. Де Голль всегда интересовался, чему и как их обучают, какие у них успехи, какие предметы им нравятся. Он любил немного прогуляться с Шарлем, Ивом и Жаном по лесопарку Буассери, а младших — Анну и Пьера даже иногда катал в коляске.

Среди многочисленных подарков, которые дарили президенту французы и зарубежные гости, были и животные — слоны, медведи, олени, пантеры, лошади, пони. Генерал всегда просил развезить их по зоопаркам и конным заводам Франции. А однажды ему подарили барана, и он решил сделать исключение. Де Голль оставил его на год в Коломбэ, чтобы доставить удовольствие младшим внукам⁸⁷.

Часто дети не хотели уезжать, и тогда президент произносил, как он сам говорил, самую меланхоличную фразу французской литературы. Ее написала писательница русского происхождения Софи Сегюр* — «Каникулы подходили к концу, поэтому дети любили их все больше и больше»⁸⁸.

Книга всегда была для де Голля самым близким другом. В чтении он находил истинное отдохновение. Генерал читал очень много, обычно три книги в неделю. Посидеть спокойно в кресле с томиком в руке и полностью погрузиться в другой мир, иную жизнь ему удавалось только в Коломбэ. Как всегда, президента интересовали самые разные авторы — историки, писатели, ученые прошлого и настоящего. Французских академиков де Голль неизменно называл украшением национального достояния, писателей — тоже⁸⁹.

Он следил за развитием современной литературы Франции, читал произведения Эрве Базена, Анри Труайя, Мориса Дрюона, Жана-Мари Гюстава Ле Клезю, из зарубежных авторов предпочитал Уильяма Фолкнера, Эрнеста Хемингуэя, Агату Кристи, даже нашел время прочитать «Алису в стране чудес» Льюиса Кэрролла.

* Сегюр (*Ростопчина*), *Софи де* (1799—1874) — французская писательница, дочь графа Ростопчина, министра Павла I, жена графа Эжена де Сегюра.

Многие французские историки, писатели, журналисты, военные присылали президенту свои труды. Он их обязательно читал или хотя бы просматривал. Если они де Голлю нравились, то он сразу отправлял автору письмо с комплиментами. Генерал, по словам его последнего генерального секретаря Елисейского дворца Бернара Трико, «жил с ручкой в пальцах»⁹⁰. Читая, он делал отметки на полях, что-нибудь сразу выписывал в свой дневник. Иногда сюжет книги наводил его на собственные размышления. Тогда президент тут же делал набросок будущей речи или официального документа.

Вместе с прозой постоянной спутницей жизни де Голля была поэзия. Он обращался к современным поэтам, но все чаще возвращался к старым, любимым с молодости. Ему нравилось переписать знакомые стихи в свой дневник. Среди них есть такое четверостишие Бодлера:

Car c'est vraiment, Seigneur, le meilleur témoignage
Que nous puissions donner de notre dignité
Que cet ardent sanglot qui roule d'âge en âge
Et vient mourir au bord de votre éternité!⁹¹

Творец! Вот лучшее от века указанье,
Что в нас святой огонь не может не гореть,
Что наше горькое, безумное рыданье
У брега вечности лишь может замереть!*

Душевное умиротворение президенту приносило общение с природой. Когда он находился в Коломбэ, то после завтрака обязательно, в любую погоду выходил из дома на пятнадцать минут и обходил лесопарк Буассери. После обеда де Голль брал свою трость и отправлялся на длительную прогулку в окрестный лес.

Коломбэ было окружено древними лесами. Генерал часто говорил, что в них две тысячи лет назад мятежные галлы скрывались от римлян. Он мог часами бродить среди деревьев один или с сыном. Де Голль считал, что лес излучает спокойствие и побуждает к созерцанию и размышлению. Ему нравилось отдыхать, сидя на поваленном стволе, вытянув перед собой ноги. Президент молча наблюдал, как прозрачная душа природы трепещет при дуновении легкого ветерка. Вокруг безмолвие, которое тревожит лишь тихий гул от покачивания веток грабов и ёлок. Изредка оно прерывается птичьим щебетом или шорохом от шагов проходящего зверя. Насладившись красотой леса, президент Франции от-

* Перевод Эллиса.

правлялся в свой уютный дом, поддевая тростью зеленые шапочки мха, облепившие пеньки.

Хороши были парк Буассери и леса вокруг Коломбэ осенью, в своем пунцово-желтом убранстве. По выходным дням де Голль любил вместе с сыном отправиться за грибами⁹². С каким удовольствием они возвращались домой с полными корзинами.

Гулять по сельской местности президент не любил. Но однажды, в 1960 году, он отправился по направлению к городку Бар-сюр-Об, чтобы посмотреть, как проходит ежегодная велосипедная гонка «Тур де Франс». Де Голль пришел вовремя и остановился у обочины. Велосипедисты увидели его высокую фигуру издали. Лидер гонки даже на минуту остановился, чтобы поприветствовать президента⁹³. В Париже генерал не посещал спортивных состязаний, но на финале кубка Франции по футболу все-таки несколько раз присутствовал.

Де Голль до конца своих дней оставался правоверным католиком. Общение с Всевышним всегда было частью его жизни. Он полагал, что только «Бог как единственная высшая инстанция имел право судить его»⁹⁴. В Коломбэ президент всегда посещал мессу. В Париже, в Елисейском дворце по просьбе генерала обустроили маленькую молельню, в которую он приходил каждый день. Генерал постоянно исповедовался и причащался. Он отдавал предпочтение молитве из «Приношения даров» — «О, Святой Отец, всемогущий и вечный Бог, примите эту беспорочную жертву. Такой недостойный, как я, приносит ее вам, мой Боже истинный и всемогущий, за все мои грехи, прегрешения и оплошности и за всех ныне живущих и за тех, кто был до нас и почил в мире и за всеобщее спасение»⁹⁵.

БАЛЛОТИРОВКА

Новый, 1964 год начался для Франции со знаменательно-го дипломатического события. Президент объявил о признании его страной Китайской Народной Республики. В январе два государства установили дипломатические отношения.

Де Голль считал, что Франция должна заявлять о себе и распространять свое влияние во всех регионах мира. К Восточной Азии и в первую очередь к Китаю внимание генерала было приковано давно. «Китай — нечто грандиозное», «самая большая страна», «колоссальный рынок», — говорил он⁹⁶. Как только эта огромная восточная держава освободи-

лась от влияния Советского Союза, де Голль сразу взял курс на сближение с ней. Китайцы откликнулись, и сотрудничество началось.

Юго-Восточную Азию, бывшие колонии Франции на Индокитайском полуострове, генерал тоже хотел видеть вовлеченными в сферу интересов своей страны. Но обстановка там была сложной из-за американского военного присутствия. Против него выступали и де Голль, и некоторые лидеры стран региона, например король Камбоджи Нородом Сианук. В июне 1964 года президент Франции принял его в Париже. Вьетнамская тема активно обсуждалась на переговорах. Генерал и Нородом Сианук выступили за созыв международной конференции по урегулированию все разраставшегося конфликта. Но американцы воспротивились этому. К мнению президента Франции они прислушиваться не желали. А между тем он совершенно верно предсказывал: «Они шаг за шагом будут увязать в бездонной политической трясине», «американцы уже не выпутаются, они идут к катастрофе»⁹⁷.

В Европе успешно развивались отношения Франции с Западной Германией. Аденауэра на посту канцлера сменил Людвиг Эрхард. Де Голль сразу пригласил его в Париж в феврале 1964 года и беседовал с ним о дальнейшем сотрудничестве. В июле генерал осуществил в сопровождении девяти министров своего правительства ответный, официальный визит в Бонн.

В 1964 году президент впервые посетил Латинскую Америку. В марте он летал в Мексику и возвратился в Париж через французские владения в Западном полушарии — Гайану, Гваделупу и Мартинику.

В сентябре-октябре де Голль более месяца путешествовал по странам Южной Америки. В канун отъезда он написал бывшему премьер-министру Мишелю Дебре: «Я отправляюсь в Латинскую Америку без четкой программы, как-то инстинктивно. И все-таки, может быть, это важно»⁹⁸. Но генерал говорил и другое: «Латинская Америка ненавидит американцев. Она страстно желает освободиться от их гегемонии... Вот такую карту можно прекрасно разыграть»⁹⁹. Президент Франции не преминул это сделать. Ему было явно приятно встретиться на южноамериканской земле с единомышленниками.

Де Голль проехал десять государств — Венесуэлу, Колумбию, Эквадор, Перу, Боливию, Чили, Аргентину, Парагвай, Уругвай и Бразилию. Генерал часто переправлялся из страны в страну океаном, на французском крейсере «Кольбер».

Повсюду ему оказывали очень теплый прием. Он получил от путешествия большое удовольствие.

По возвращении президент сказал: «Поездка была полезной. Она показала, что нации утверждаются и уже не всегда будут готовы отдавать свой суверенитет в руки двух супердержав. Они начинают понимать, что нужно сопротивляться. Таковы Мексика, Бразилия, Аргентина, Чили. Они это чувствуют, хотя пока боятся высказаться в полный голос. Призвание Франции — осуществлять свое влияние и способствовать такому движению. Настанет день и страны, неприязненно относящиеся к господству двух гигантов, поднимутся, чтобы защитить собственную независимость. И этот день будет наш»¹⁰⁰.

В рамках «Общего рынка» продолжал развиваться процесс интеграции стран шестерки. Внутри ЕЭС уже были созданы структуры по экономике, атомной энергетике, углю и стали. Франция решительно боролась за включение в систему «Общего рынка» сельского хозяйства. Тем самым она стремилась получить выгодные для себя условия по производству и сбыту сельскохозяйственной продукции. Де Голль и его правительство после долгих дебатов с партнерами добились заключения соглашения по этому вопросу.

В целом 1964 год прошел для президента в насыщенном и интенсивном режиме. Он осуществил 15 путешествий за пределы Франции, 5 поездок по стране, 121 раз председательствовал на различных заседаниях, принял 7 глав зарубежных государств, произнес 67 речей, 41 раз участвовал в Париже в официальных церемониях, дал 2 пресс-конференции и 746 аудиенций¹⁰¹. Между тем в апреле президент перенес операцию на предстательной железе. Однако он быстро поправился и чувствовал себя бодро.

С годами генерал отнюдь не утратил чувства юмора. Однажды, когда де Голль работал в своем кабинете в Елисейском дворце, из комнаты адъютантов вдруг раздался громкий смех. Он продолжался долго. Президенту пришлось вызвать адъютанта Гастона де Бонневалея и спросить, в чем дело. Тот ответил: «Мой генерал, это Тессейр рассказывает свою очередную историю. Его репертуар неисчерпаем». «Ну надо же, — с грустью произнес де Голль, — а почему он не находит сюда и не рассказывает о своих историях мне?»¹⁰²

Еще один забавный случай произошел во время поездки президента на Корсику. В каждом городе генералу рассказывали, что в нем делал молодой Бонапарт. Во время обеда в Кортэ его мэр заявил де Голлю: «Наполеон родился в Аяччо, но доподлинно известно, что он был зачат здесь, в Кор-

те». Президент улыбнулся, с удивлением поднял на мэра свои карие глаза и сказал: «Очень интересно! Расскажите, пожалуйста, поподробнее»¹⁰³.

В начале 1965 года возобновился диалог Франции с Англией, практически «замороженный», после того как де Голль наложил вето на вступление Великобритании в «Общий рынок». Причиной тому послужила смена власти в этой стране. Консервативный кабинет Макмиллана сменил лейбористский во главе с Гарольдом Вильсоном.

Президент Франции впервые встретился с новым британским премьером в Лондоне, в январе 1965 года на похоронах Черчилля. Генерал пригласил Вильсона в Париж и беседовал с ним в апреле в Елисейском дворце. Де Голль надеялся, что лейбористское правительство изменит свое положение «младшего брата США» и перестанет следовать в фарватере внешней политики Соединенных Штатов. Однако ничего подобного не произошло. Поэтому разногласия Франции и Великобритании, главным образом по поводу вступления Англии в ЕЭС, остались прежними.

С большими трудностями Франция столкнулась на продолжающихся переговорах внутри «Общего рынка». Ее партнеры хотели, чтобы внутри ЕЭС принятие всех важных решений было возложено на комиссию, носящую наднациональный характер, а не на каждое отдельное государство, имеющее право вето. Этот принцип в корне противоречил голлистской концепции «Европы отечеств». Генерал сразу высказал свое отрицательное отношение. В знак протеста он отозвал в июне 1965 года постоянного представителя Франции при «Общем рынке». Такая позиция получила название политики «пустого кресла».

Осень 1965 года стала для де Голля временем серьезных раздумий. Заканчивался семилетний срок его пребывания на посту главы государства. В декабре должны были состояться очередные президентские выборы. Генерал сам еще в 1962 году выступил инициатором их проведения путем всеобщего голосования. Теперь ему предстояло решить, будет ли он выставлять свою кандидатуру на повторный срок. Французы тоже давно хотели знать об этом. Еще в начале года в конце пресс-конференции один из журналистов спросил президента: «Как вы себя чувствуете, мой генерал?» Де Голль ответил шуткой: «Неплохо, но уверяю вас, в один прекрасный день я все-таки умру»¹⁰⁴.

Президент действительно чувствовал себя хорошо, но долго не объявлял, будет ли выдвигаться в декабре на выборах. А тем временем его соперники уже в начале осени 1965

года начали действовать. От правой оппозиции выставился Жан Леканюэ. Единым кандидатом левых сил стал Франсуа Миттеран. Они выступали по радио и телевидению, без устали ездили по стране и громили в своих речах устаревший генералом режим «личной власти». Словом, оба политика вели настоящую мощную предвыборную кампанию согласно всем законам жанра.

Де Голль объявил о выдвижении 4 ноября — за месяц до выборов. Он не хотел вести открытую борьбу с соперниками, оспаривая их обвинения. Президент считал ниже своего достоинства вступать с ними в полемику. Он полагал, что его многолетняя деятельность на благо Франции говорит сама за себя. Сторонники генерала просили его хотя бы выступить по телевидению перед французами. А он им отвечал: «Ну что мне им сказать? Меня зовут Шарль де Голль, мне 75 лет»¹⁰⁵. И все-таки в день выдвижения президент произнес речь, которую передавали по радио и телевидению.

«Француженки, французы! — восклицал он. — Двадцать лет назад, когда Франция стояла на краю пропасти, я уверовал, что мое призвание привести ее к освобождению, победе и сделать хозяйкой собственной судьбы. Семь лет назад я понял, что должен встать во главе страны, чтобы уберечь ее от гражданской войны, финансового краха и дать ей институты, соответствующие современной эпохе. С тех пор я управляю Францией, и она следует невиданным доселе путем внутреннего развития, живет в мире, в достойной политической и моральной обстановке. Сегодня я готов продолжать выполнение моей задачи. Я понимаю, каких усилий это будет стоить, но утверждаю, что они будут предприняты во имя Франции»¹⁰⁶.

Да, речь была красивой и возвышенной. Но таких ли слов ждали от президента соотечественники? А может быть, они хотели, чтобы он сказал, что намерен делать не для Франции, а для них, для того, чтобы их жизнь стала лучше и сытнее? Де Голлю такое и в голову прийти не могло.

Голосование 5 декабря страшно разочаровало президента. За него было подано 44,64%. Миттеран собрал 32%, Леканюэ — 16%. Итак, генерал не смог получить половины голосов. Он считал, что французы отплатили ему черной неблагодарностью за его каждодневный, интенсивный труд на благо отечества. Теперь объявлялся второй тур. Его, «самого знаменитого из французов», сограждане подвергли унижительной баллотировке. Де Голль должен был вместе с каким-то Миттераном, к которому он относился с презрением, пройти повторное испытание всеобщим голосованием.

Президент даже хотел бросить все и отказаться от дальнейшей борьбы за власть. Но он быстро успокоился и стал готовиться ко второму туру. Генерал согласился, по совету сторонников, дать в телевизионном эфире три интервью журналисту Мишелю Друа. Перед де Голлем поставили задачу опуститься до уровня простых французов и попытаться им понравиться. Однако президент сам признавался: «Моя внешность и моя манера держаться никак не могут очаровать аудиторию»¹⁰⁷.

Результаты второго тура, прошедшего 19 декабря, тоже не были блестящими. Де Голль набрал 54,49% голосов. В восторг от таких цифр он, конечно, не пришел. Через десять дней генерал писал сестре: «Ничего другого от этих выборов и не следовало ожидать, учитывая, что наши французы с легкостью и даже рассеянностью смотрят на вещи — поэтому они и падки на демагогию политиканов»¹⁰⁸. И тем не менее, как бы президент ни был разочарован, мандат на второй срок он получил и решил идти дальше. Де Голль не сомневался, что Франции необходимо продолжение его почина.

РАЗРЯДКА

Свой второй президентский срок де Голль открыл важнейшим решением — о выходе Франции из военной организации НАТО. Генерал, видимо, думал об этом давно. Совершенно очевидно, что он стремился к полной независимости от Северо-атлантического союза. 9 сентября 1965 года президент Франции заметил: «Когда истечет срок действия взятых в свое время обязательств, то есть не позднее 1969 года, прекратится и наше подчиненное положение. Оно называется интеграцией, предусмотренной Североатлантическим договором и передающей нашу судьбу в чужие руки»¹⁰⁹.

Однако дожидаться 1969 года де Голль не стал. Он принял решение сразу после переизбрания. 24 февраля 1966 года генерал пишет специальную записку для премьер-министра Жоржа Помпиду, министра иностранных дел Мориса Кува де Мюрвиля и министра обороны Пьера Мессмера. Она называется: «По поводу возвращения нашей обороны под национальный суверенитет»¹¹⁰. В ней четко указывается, что Франция покидает военную организацию НАТО. 7 марта де Голль официально известил об этом президента Соединенных Штатов Линдона Джонсона. В письме к нему генерал написал, что его страна «прекращает свое участие в интегрированных командованиях»¹¹¹. На деле это означало,

что все французские военные силы, где бы они ни находились, выводились из-под контроля альянса, а с территории Франции полностью удалялись американские и канадские военные части, штабы и базы.

Решение де Голля вызвало негодование в США и непонимание в других странах, входящих в Североатлантический союз. Тем не менее штаб-квартира НАТО переехала из Парижа в Брюссель, и все условия выхода Франции из альянса постепенно были выполнены.

Теперь взоры генерала обратились к востоку Европы и в первую очередь к Советскому Союзу. Еще в 1960 году в одной из речей он сказал: «Франция расположена к разрядке, разоружению и сотрудничеству. У нее нет никаких серьезных споров с Россией. Она испытывает к народу этой страны традиционную тягу и желает, чтобы поднялся железный занавес»¹¹². Через два года де Голль выдвинул формулировку «Европа от Атлантики до Урала», которая означала, что в единый европейский дом должен быть включен и Советский Союз. В 1966 году президент Франции прямо заявил: «В сегодняшнюю Европу входит Россия. Она всегда была могущественной, а сейчас сильна, как никогда... благодаря своему населению, полезным ископаемым и мощной экономике, которой она располагает впервые в истории. Одна из главных европейских реальностей и состоит в этой огромной советской державе»¹¹³.

Де Голль хотел побывать в Советском Союзе. Руководители СССР отнеслись к этому благожелательно. Летом 1966 года французская и советская стороны организовали официальный визит генерала. Помимо переговоров он включал в себя интересное десятидневное путешествие. Генерал готовился к поездке. Он читал книги по русской истории, внимательно изучал маршрут своего следования, заранее написал речи, которые намеревался произнести в разных городах, частично и на русском языке.

20 июня де Голль в сопровождении нескольких министров, жены, сына и личного адъютанта прилетел в Москву. Его разместили прямо в Кремле. В тот же день вечером начались переговоры президента Франции с председателем Совета министров СССР Алексеем Николаевичем Косыгиным, председателем президиума Верховного Совета СССР Николаем Викторовичем Подгорным и Генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Ильичом Брежневым.

Генерал сразу отметил: «Россия во всех отношениях самая мощная держава региона, в котором расположена. Для Франции она является собеседником, взаимопонимание и сотрудничество с которым всегда были совершенно естест-

венными. Эта политическая и человеческая реальность, старая, как наши страны, восходит к их истории и географии. В действительности никаких серьезных противоречий не возникло между нами даже в период “Войны и мира” или в эпоху Севастополя. Во все времена существовали четко выраженные симпатии между нашими интеллектуальными, литературными, артистическими и научными элитами, как и вообще между нашими народами»¹¹⁴.

Беседы президента Франции с советскими руководителями в Москве длились еще два дня. Они касались развития двусторонних отношений, а также важнейших проблем европейской политики.

21 июня де Голль днем выступил с краткой речью перед москвичами с балкона Моссовета. Ему сказали, что до него такой чести удостоивался только Ленин. Генерал пришел в восторг. Вечером он с женой и сыном отправился в Большой театр, где присутствовал на балете «Ромео и Джульетта» на музыку Прокофьева. На следующий день президент Франции побывал в Московском государственном университете имени Ломоносова.

Ивонна и Филипп вместе с генералом познакомились с жизнью советских людей, которые повсюду оказывали им самый теплый прием. Однако до отъезда они наслушались всяких небылиц о Стране Советов. В Москве де Голль вдруг услышал от жены: «Шарль, говорят, что русские могут подсыпать такого яду, что умрешь только через пять лет». Президент рассмеялся и ответил: «Ивонна, мы с вами уже в таком возрасте, что вполне можем рискнуть»¹¹⁵.

23 июня генерал вылетел в Новосибирск. Он жил два дня в уютном деревянном доме на берегу широкой, величаво несущей свои воды Оби. В первый день президент ознакомился с городом, во второй — отправился на встречу с учеными в Академгородок.

Утром 25 июня де Голль отправился в Казахстан. Он был первым главой иностранного государства, которому советские руководители позволили посетить космодром Байконур. Генерал присутствовал при запуске ракеты. Она должна была доставить на орбиту для научных исследований спутник «Космос». Зрелище отделяющейся от земли, выпускающей клубы огненно-черного дыма и моментально набирающей скорость металлической громады очень впечатлило французского президента.

После Байконура — длительный перелет в Ленинград. 26 июня де Голль начал знакомство с городом, посетив Пискаревское кладбище, где он отдал дань памяти воинам, по-

гибшим при защите Северной столицы СССР от немцев. Затем генерал отправился в Эрмитаж. С особым интересом он рассматривал скифские золотые фигурки животных. На следующий день была поездка в «русский Версаль» — Петродворец, а также на завод по производству турбин имени XXII съезда КПСС.

Город на Неве понравился де Голлю. На прощальном ужине в ленинградской мэрии свою краткую речь он закончил двумя строками из «Медного всадника» Пушкина:

«Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия!»¹¹⁶

27 июня поздно вечером президент Франции прибыл в Киев. На следующий день после обеда он уже вылетел в Волгоград. Генерал вспоминал свой первый приезд сюда в последний хмурый день ноября 1944 года. Тогда город, невероятными усилиями и мужеством советских солдат одолевший врага, лежал в руинах. Теперь на Мамаевом кургане возвышался грандиозный мемориальный комплекс. Де Голль посетил монумент, на следующий день побывал на Волжской ГЭС и возвратился в Москву.

Утром 30 июня генерал поехал в одну из военных частей Подмосковья, где присутствовал на маневрах с участием танков. Вспоминал ли он молодость, межвоенные годы? Во всяком случае, как утверждал его адъютант Франсуа Флоик, президенту было явно приятно находиться в обществе молодых людей, которые, как некогда и он сам, выбрали военную профессию. Неважно, что они русские, а не французы. После маневров де Голль пошел вместе с офицерами обедать в столовую. Он поел мяса с картошкой и запил русским квасом¹¹⁷.

В тот же день в столице СССР были подписаны два договора о двустороннем сотрудничестве. На прощальном обеде в Кремле президент Франции подчеркнул: «Что касается наших общих целей, то ими являются разрядка, согласие, безопасность, а в один прекрасный день и объединение Европы от края до края, равновесие и мир во всем мире»¹¹⁸. Таким образом, де Голль одним из первых политических деятелей Запада выступил инициатором процесса разрядки международной напряженности и заложил основы будущих интеграционных процессов на Европейском континенте. В опубликованной после переговоров советско-французской декларации прямо говорилось о необходимости сближения Востока и Запада, которое в конце концов открыло бы путь «к плодотворному сотрудничеству во всей Европе»¹¹⁹.

Президент покидал Москву усталый, но очень довольный. 1 июля, когда его самолет уже взял курс на Париж, радио и телевидение СССР транслировали обращение генерала к советским гражданам. Он закончил его на русском языке. «Всем русским, мужчинам и женщинам, которые меня слышат и видят, — медленно произнося слова, говорил де Голль, — от всего сердца выражаю мою благодарность за чудный прием, оказанный народом и его руководителями. Каждой и каждому из вас желаю всего лучшего... Да здравствует Советский Союз! Да здравствует дружба России и Франции!»¹²⁰

Летом президент позволил себе дольше обычного отдохнуть в Коломбэ. Он уже восемь лет управлял Францией. А сколько до того было отдано служению ей! Откуда начать отсчет? Генерал общался с детьми и внуками, отвечал на письма, читал присланные ему книги писателей и историков, но брал в руки и старые томики. Некоторые из них чудом уцелели в Буассери во время войны. Он думал о настоящем и будущем, но все чаще вспоминал и о прошедшем. Иногда мысль сама воскрешала в памяти стихотворные строфы из бессмертного «Фауста» Гёте:

Ihr bringt mit euch die Bilder
froher Tage...
Der Schmerz wird neu,
es wiederholt die Klage
Des Lebens labyrinthisch irren Lauf...

О прежних днях ко мне мечта
нисходит...
И снова грусть в седую даль
уводит,
Былые дни напоминает вновь...*

В самом конце лета президент Франции отправился в новое большое путешествие. Теперь его путь лежал еще дальше на Восток — в Сомали, Эфиопию, Камбоджу, а затем в Новую Каледонию и во Французскую Полинезию.

Пять дней, с 25 по 29 августа, де Голль провел в дружественных Франции Сомали и Эфиопии. Генерал старался поддерживать влияние своей страны в этих молодых африканских государствах.

30 августа президент прибыл в столицу Камбоджи Пномпень, где был принят королем Нородомом Сиануком. Он пробыл там четыре дня, с интересом наблюдал за колоритным национальным представлением на воде, осмотрел старинный грандиозный дворцово-храмовый комплекс Ангкор.

* Перевод Э. Губера.

Главным же событием визита в Камбоджу стали переговоры де Голля с королем. Они касались проблемы безопасности в Юго-Восточной Азии. Генерал еще раз высказал свое крайне отрицательное отношение к бомбардировкам американцами Северного Вьетнама. Само присутствие президента Франции в соседней стране явилось укором Соединенным Штатам.

В начале сентября де Голль уже находился во французском владении — Новой Каледонии. Оттуда он отправился во Французскую Полинезию. Генерал задержался на острове Таити, чтобы посмотреть Музей Гогена. Наконец, 9 сентября он прибыл в Экспериментальный центр Франции на атолле Муруроа. Его путешествие достигло кульминации. Президент взошел на крейсер «Де Грас»*, который отправился в плавание. 11 сентября с его борта де Голль наблюдал за первым взрывом французской термоядерной бомбы в открытом океане. После этого события генерал с гордостью заявил: «Вот теперь мы — держава»¹²¹.

Атомный арсенал для де Голля — это прежде всего не оружие уничтожения, а научное достижение, национальная гордость. Президент всегда придавал первостепенное значение успехам Франции в области науки и техники. Он много раз приезжал в Академию наук, посещал исследовательские центры, лично присутствовал при спуске на воду атомной подводной лодки «Грозный», был счастлив, когда ему сообщили, что французская ракета «Алмаз» вывела на орбиту первый национальный искусственный спутник «Астерикс», горячо одобрил создание первого французского сверхзвукового пассажирского самолета «Конкорд».

СВОБОДНЫЙ КВЕБЕК

Главным политическим событием Франции в 1967 году стали парламентские выборы, прошедшие в марте. Они опять принесли большой успех сторонникам президента. Голлистская партия завоевала большинство мест. Генерал вновь поручил сформировать правительство Жоржу Помпиду.

Внимание де Голля в первые месяцы года было приковано к Европе. Внутри «Общего рынка» Франция добилась немало. В результате твердой и бескомпромиссной позиции генерала с 1 июня 1967 года устанавливались определенные цены на многие сельскохозяйственные продукты. Такая до-

* Крейсер носил имя известного французского мореплавателя XVIII века Франсуа де Граса (1722—1788).

говоренность обеспечивала его стране широкие возможности сбыта продуктов на выгодных условиях.

В «Общий рынок» по-прежнему стремилась попасть Великобритания. Гарольд Вильсон неоднократно беседовал об этом с президентом Франции. Однако де Голль, как и раньше, не желал видеть в рамках ЕЭС сильного, связанного с Соединенными Штатами, конкурента. В мае он фактически вторично наложил вето на вступление Англии в «Общий рынок».

В Западной Германии к власти пришел новый канцлер — Курт Кизингер. В январе 1967 года генерал принял его в Елисейском дворце. Руководители двух государств обсудили планы дальнейшего сотрудничества. В апреле на 92-м году жизни умер Конрад Аденауэр. В соболезнованиях президенту ФРГ Генриху Любке и родным покойного канцлера президент Франции назвал его «своим знаменитым другом» и «одним из самых выдающихся государственных деятелей современности»¹²². 25 апреля де Голль лично присутствовал в Кёльне на похоронах Аденауэра.

В самом конце мая генерал с женой отправился с официальным визитом в Италию и Ватикан. В Риме де Голль участвовал в заседании шестерки стран ЕЭС. Затем он встретился с президентом Италии Джузеппе Сарагатом.

31 мая в Ватикане генерал познакомился с избранным в 1963 году понтификом Павлом VI. Они беседовали о роли Святого престола в поддержании мира на всех континентах планеты. По просьбе президента папа римский освятил ему перламутровые четки, которые де Голль приобрел в Иерусалиме в 1931 году.

В Ватикане генерал произнес речь, полную веры в неисчерпаемые силы человека. «Какими бы ни были опасности, кризисы, драмы, — сказал он, — мы преодолеваем их, несмотря ни на что, и всегда знаем, куда идти дальше. Ведь мы идем, даже когда умираем, к Жизни»¹²³. На такой оптимистической ноте президент Франции заканчивал свое пребывание в Вечном городе.

Завершилась поездка посещением Венеции. В далеком 1921 году капитан Шарль де Голль приезжал сюда с молодой женой в свадебное путешествие. Теперь, через сорок шесть лет, они стояли в первый день лета у освещенного солнцем Дворца дождей, не молодые, но такие же счастливые.

Сразу по возвращении в Париж президент Франции узнал, что Ближний Восток стоит в преддверии крупного военного конфликта. После блокировки Египтом порта Эйлат Израиль готовился начать превентивную войну против Египта, Сирии и Иордании. 2 июня де Голль собрал заседа-

ние кабинета министров и заявил: «Та сторона, которая первой откроем огонь, не получит ни нашего одобрения, ни нашей поддержки»¹²⁴.

Генерал стремился не допустить войны. 5 июня он писал в Москву Косыгину: «До начала военных действий французское правительство считало необходимым, чтобы великие державы их не допустили»¹²⁵. И все же разразилась Шестидневная война. Тогда президент немедленно наложил эмбарго на поставку французского оружия всем воюющим государствам.

В том же июне Соединенные Штаты начали открытую войну во Вьетнаме. Де Голль немедленно осудил их действия, заявив: «Франция заняла твердую позицию, осуждающую войну во Вьетнаме и иностранную интервенцию в эту страну. Она еще раз подчеркивает, что этот конфликт прекратится, только когда Америка возьмет обязательство по выводу своих сил в определенные сроки»¹²⁶.

Позиция президента Франции по ближневосточной проблеме вызвала недовольство израильтян. Масла в огонь де Голль подлил сам, когда на пресс-конференции 27 ноября 1967 года назвал евреев «элитарным, самоуверенным народом, стремящимся к господству»¹²⁷. Генерала сразу объявили чуть ли не антисемитом. Нет, он им никогда не был. Де Голль благосклонно отнесся к созданию государства Израиль в 1948 году. Сразу после своего возвращения к власти он вступил в переписку с его руководителями и продолжал ее много лет. Среди его адресатов — Давид Бен-Гурион, Голда Меир, Моше Даян¹²⁸. Премьер-министра Израиля Бен-Гуриона президент Франции дважды принимал в Елисейском дворце — в июне 1960-го и в июне 1961 годов. Однако военные действия Израиля против арабских государств генерал расценил как агрессию и произнес об израильтянах сразу облетевшие весь мир слова исключительно применительно к современному ближневосточному конфликту.

В июле 1967 года президент Франции отправился с давно запланированным визитом в Канаду. Он поехал туда по приглашению не канадского правительства, а премьер-министра Квебека Даниэля Джонсона.

В XVIII веке Квебек был французской колонией, но в 1774 году перешел к англичанам и в 1867 году стал провинцией Канады. Тем не менее его население всегда в подавляющем большинстве составляли французы. В середине XX столетия в Квебеке ширилось движение за самоопределение и образование самостоятельного государства.

Де Голль всегда пристально следил за развитием ситуа-

ции в Квебеке. Он мечтал об образовании франкофонного государства в Северной Америке. В 1963 году президент заявил на заседании кабинета министров: «Я верю, что будет существовать Французская республика Канады. Сейчас французская Канада переживает расцвет. Однажды она отделится от английской Канады, потому что для французских канадцев противостоит вечно находиться под английским господством»¹²⁹.

Де Голль принимал Даниэля Джонсона в Париже, вел с ним переписку и с удовольствием согласился прибыть в Квебек. Генерал планировал посетить города Квебек и Монреаль, где открылась Всемирная выставка, а затем отправиться в столицу Канады — Оттаву. Накануне отъезда президент сказал, правда, в неофициальных кругах: «Единственно возможное будущее для Французской Канады — это стать суверенной»¹³⁰.

Генерал решил добираться в Северную Америку по океану, чтобы прибыть прямо в квебекский порт, на территорию Французской Канады. Если бы он летел самолетом, ему пришлось бы приземлиться в международном аэропорту Оттавы. 15 июля в Бресте президент поднялся на борт крейсера «Кольбер», который сначала взял курс на владение Франции в Атлантическом океане Сен-Пьер-и-Микелон. Плавание длилось пять дней. После остановки еще два дня в море и, наконец, прибытие 23 июля в квебекский порт.

Население города встретило де Голля с невероятным энтузиазмом. Такой же теплый прием ему был оказан на следующий день в Монреале. Там президент Франции выступил с приветственной речью с балкона ратуши перед огромной толпой. Закончил он ее словами: «Вся Франция знает, видит и слышит вас. Она понимает, что здесь происходит, и хочет этого вместе с вами. Да здравствует Монреаль! Да здравствует Квебек! Да здравствует свободный Квебек! Да здравствует Французская Канада и да здравствует Франция!»¹³¹ Собравшиеся жители Монреала ответили де Голлю ликованием.

Правительство Оттавы немедленно отреагировало. Оно расценило слова генерала как скандальные, провокационные. Президент Франции посетил на следующий день Всемирную выставку и 26 июля побывал в Монреальском университете. Но ехать в столицу Канады после заявлений с балкона ратуши было уже невозможно. Де Голлю пришлось прервать официальный визит и вернуться в Париж.

Генерала случившееся несколько не смутило. Он, похоже, даже остался доволен тем, что «разжег огонь» в Север-

ной Америке. Президент был абсолютно убежден в собственной правоте. В коммюнике, опубликованном после заседания кабинета министров, специально посвященного визиту президента в Квебек, говорилось: «Генерал де Голль стал свидетелем невероятного французского рвения по пути всего следования. Он понял, что французским канадцам не обеспечили свободы, равенства и братства. Он имел возможность оценить их стремление быть хозяевами собственного прогресса»¹³².

Страсти понемногу улеглись. Президент Франции отдохнул и в сентябре отправился с еще одним официальным визитом — на сей раз в Польшу. Де Голль давно выступал за развитие дружественных отношений своей страны с государствами Восточной Европы. После поездки генерала в СССР в 1966 году и поворота к политике разрядки его планы стали воплощаться в жизнь. Президент сам для начала выбрал Польшу. Это была самая католическая страна Восточной Европы. Он служил в ней после Первой мировой войны и хотел посмотреть, какая же она сейчас. Де Голль провел на польской земле неделю, вел переговоры с руководителями государства, выступил в сейме, проехал Варшаву, Краков, Катовице, Гданьск и Гдыню.

1967 год подходил к концу. Президент Франции считал его удачным. В декабре он писал сыну: «В Париже ничего нового. Политический, социальный и экономический год для нашей страны спокойно завершается»¹³³. Так, наверное, оно и было. Но уже через несколько месяцев стало ясно, что Франция — дремлющий вулкан, который неожиданно проснулся и стал действовать.

1968 ГОД

С середины 1960-х годов во Франции все громче стали заявлять о себе студенты. Их насчитывалось более 600 тысяч человек. В своем большинстве это были учащиеся государственных университетов, доступ в которые оставался открытым практически для любого молодого человека, имеющего диплом о среднем образовании. Однако сложная система экзаменов приводила к тому, что лишь треть зачисленных на первый курс заканчивала университеты. Многим студентам такая ситуация не нравилась. В их среде начали складываться так называемые гошистские* группировки, находив-

* От французского слова *gauche* — левый

шиеся под влиянием идей анархизма, троцкизма и маоизма. Представители этих самопровозглашенных объединений призывали к бунту против устаревшей системы французского высшего образования.

Гошистское движение быстро ширилось. Студенты все более открыто выступали с требованиями предоставить им право участвовать в решении вопросов, касавшихся условий их жизни в университетских кампусах, а также содержания, форм и методов обучения. Они заявляли, что необходимо «отрицать» и «оспаривать» традиционные устои французского общества, и выдвинули лозунг «запрещено запрещать».

От слов учащиеся постепенно перешли к делу. Гошисты стали срывать занятия. 15 января 1968 года в университетском пригороде Парижа Нантер студенты спровоцировали стычки с полицией. На это событие никто не обратил особого внимания. Главной темой разговоров по всей Франции были предстоящие X Зимние олимпийские игры в Гренобле. 6 февраля де Голль присутствовал на их торжественном открытии. Правда, президенту грандиозный спортивный праздник не доставил удовольствия. Генерал был опечален гибелью в Средиземном море французской подводной лодки «Минерва». Она исчезла с радаров 27 января. Группа аквалангистов во главе с известным океанографом Жаком Ивом Кусто не смогла отыскать даже ее следов.

8 февраля де Голль отправился в Тулон, где участвовал в траурной церемонии по погибшим морякам и морским офицерам. Там президент зашел на борт другой подводной лодки — «Эвридики», совершившей погружение. В тот же день генерал уехал в Париж. В знак траура он в течение месяца носил на левой руке черную ленту.

Весной жизнь президента Франции проходила в обычном русле. Он занимался вопросами международной политики, принимал в Елисейском дворце глав иностранных государств, давал аудиенции. Тем временем ситуация в Нантере становилась напряженной. Студенты срывали занятия, объявляли о своем намерении устроить «культурную революцию». В апреле 1968 года в парижском пригороде начались настоящие беспорядки. Их возглавил известный гошист, выходец из Германии Даниэль Кон-Бендит. Он и его сторонники призывали ликвидировать «классовый университет» и даже свергнуть правительство, все время нарывались на стычки с полицией.

Президент республики и премьер-министр уже были вынуждены обратить внимание на происходящее. Де Голль в это время занимался организацией мирных переговоров

между США и Северным Вьетнамом. Он гордился тем, что стороны дали согласие встретиться в Париже. По поводу студенческих волнений генерал просто сказал Помпиду: «Выпутывайтесь»¹³⁴.

Глава кабинета, видимо, посчитал, что «выпутаться» еще успеет. У него давно была запланирована десятидневная поездка в Иран и Афганистан, и 2 мая он уехал. А декан факультета в Нантере объявил о прекращении занятий и исключении Кон-Бендита. В ответ на это студенческие волнения уже переместились в центр столицы, в Сорбонну и окружающий ее Латинский квартал. Учащиеся организовали митинг протеста. 4 мая руководители старейшего университета Европы вызвали полицию. Сорбонну закрыли, многих гошистов задержали.

Такие действия лишь еще более распалили обстановку. Многие студенческие союзы объявили забастовку. Занятия и в высших и в средних учебных заведениях прекратились. Учащиеся вышли на улицы. С 7 по 10 мая беспорядки охватили весь Латинский квартал. Студенты били витрины, поджигали машины, валили деревья и решетки. В ночь с 10 на 11 мая они выстроили в центре Парижа баррикады.

Де Голля такая ситуация поначалу только раздражала. Президент говорил о происходящем: «Они заявляют, что бастуют, но ведь они — не производители... Это трагикомедия, взрыв общества изобилия... На самом деле они хотят только наслаждаться, прожигать жизнь и сеять хаос»¹³⁵. Генерал считал, что необходимо реагировать жестко. 8 мая президент твердо сказал: «Нельзя допускать, чтобы на улице царил беспорядок! Это невозможно! Надо заканчивать с насилием!» Потом добавил: «Вначале делают предупреждение, потом стреляют в воздух, один раз, второй, а если это не действует, то — по ногам»¹³⁶. Президент, конечно, погорячился. Вряд ли он готов был применить такие меры. Однако полиция действовала и дубинками и слезоточивым газом. Только за ночь с 10 на 11 мая несколько сот студентов ранили и столько же арестовали. А Франция, так беззаветно любимая президентом, уже походила на реку, вышедшую из берегов.

11 мая вернувшийся из зарубежной поездки Помпиду решил смягчить обстановку и открыть Сорбонну. Студенты тут же заняли ее. Мало того, 13 мая профсоюзы объявили о всеобщей забастовке, которая очень быстро охватила всю страну. Президент должен был отправиться с официальным визитом в Румынию. Он колебался, но все же 14 мая уехал. Генерал решил, что, в конце концов, «наведение поряд-

ка — дело правительства, а не главы государства»¹³⁷. Своим министрам де Голль нравоучительно объявил: «Если мы будем расстилаться перед ними, значит, Государства больше нет. Власть не отступает, иначе она потеряна»¹³⁸.

Возможно, президент надеялся, что все как-то образуется. Но за те пять дней, что он отсутствовал, ситуация стала еще хуже. 15 мая студенты заняли театр «Одеон». А к 20-му бастовали уже более десяти миллионов человек. Закрылись почти все учреждения, банки и учебные заведения. Прекратили действовать транспорт, радио и телевидение. Рабочие и служащие повсеместно занимали предприятия, проводили манифестации под лозунгами «Десяти лет достаточно», «Де Голль, до свидания». Однако профсоюзы не стали солидаризироваться со студентами. Воспользовавшись их взрывом, они сочли момент самым удобным, чтобы выдвинуть собственные требования, которые главным образом сводились к повышению зарплаты.

Де Голль держался, но реагировал очень нервно. По возвращении из Румынии 18 мая он бросил министру национального образования Алену Пейрефиту: «Ну что там ваши студенты? Все носятся?»¹³⁹ На заседании правительства, состоявшемся в тот же день, президент был краток. Он призвал министров навести, наконец, порядок и произнес свою знаменитую фразу: «Реформа — да, хаос — нет!»

24 мая де Голль решил выступить по радио и телевидению с речью перед соотечественниками. Он говорил о «сдвигах, происшедших во французском обществе», «исключительности создавшейся ситуации» и заявил о необходимости проведения референдума по дальнейшей государственной политике¹⁴⁰. Однако к речи президента никто и не думал прислушаться. Ситуация достигла апогея. Премьер-министр Помпиду в резиденции на улице Гренель начал переговоры с профсоюзами и предпринимателями. Но теперь, помимо студентов и профсоюзов, в бой вступила левая оппозиция, выдвинувшая политические требования. Коммунисты говорили о необходимости создания народного правительства с их участием. А Франсуа Миттеран просто заявил — «власть вакантна». Он объявил себя кандидатом на пост президента и сказал, что назначит Пьера Мендес-Франса премьер-министром.

И вот тогда де Голль дрогнул. Бурный водоворот событий его окончательно разбалансировал. Генерал переживал страшные дни. Он понимал, что впервые в жизни не контролирует ситуацию. Президент говорил генеральному секретарю Елисейского дворца Бернару Трико: «Ситуация со-

вершенно неуловимая. Я не знаю, как реагировать. Я не понимаю, что надо сделать не для того, чтобы взять в руки этот народ, а для того, чтобы он сам взял себя в руки. Я не знаю, что делать»¹⁴¹.

Близким де Голлю людям тяжело было смотреть на него в последние дни мая. Сын генерала, приезжавший в Елисейский дворец, вспоминал: «Я видел перед собой не президента республики, а отца — истерзанного, разочарованного, раздраженного и очень усталого от наблюдения за зрелищем, которое являла наша страна»¹⁴². Генерал сам признавался, что потерял голову. Он с грустью отмечал: «Я чувствую, что во мне теперь живут два человека. Один верит в государство, во Францию, в свои собственные возможности выступить с призывом к французам, чтобы они еще раз избежали катастрофы. Второй сомневается в себе, во французах, в государстве, в армии. Один от имени Франции и своей любви к ней требует от себя огромного усилия, чтобы встать выше обстоятельств и изгнать бесов. Другой пытается оставить французов на их пути к злу, потому что они сами этого хотят»¹⁴³.

Что мог предпринять человек в таком состоянии? 29 мая президент принимает довольно странное решение — лететь на вертолете с женой в Баден-Баден, в ставку французских войск в Западной Германии. Он прибыл туда и встретился с командующим этим подразделением генералом Массю. Де Голль заявил ему, что «все потеряно», и хотел заручиться поддержкой вверенных Массю военных сил¹⁴⁴. Тот ответил, что на французский контингент, расквартированный в ФРГ, конечно, можно рассчитывать. Однако Массю не расценивал ситуацию во Франции как критическую. Он быстро убедил президента вернуться. Де Голль пробыл в Баден-Бадене полтора часа и улетел назад, сначала в Коломбэ, а затем в Париж.

В столице президент принял решение. 30 мая он опять выступил с речью по радио и телевидению, заявив, что стране грозят «диктатура» и «тоталитарный коммунизм». Де Голль объявил о намерении «остаться на занимаемом посту, роспуске Национального собрания и проведении новых выборов»¹⁴⁵.

Премьер-министр Жорж Помпиду в конце мая завершил переговоры с профсоюзами, в результате которых были подписаны Гренельские соглашения. В них фиксировалось обязательство правительства значительно повысить зарплаты, пенсии и различные пособия. 31 мая в Париже состоялась мощная манифестация в поддержку президента. Демонст-

ранты вышли на улицы под лозунгами «Де Голль не одинок!», «Коммунизм не пройдет!».

Франция, казалось, устала от бурного майского выплеска эмоций. Студенты успокоились, профсоюзы, добившись своего, призывали французов возвратиться на рабочие места, а оппозиция не смогла сплотиться. Теперь ей надо было готовиться к внеочередным парламентским выборам. В середине июня в стране воцарилось прежнее спокойствие.

На прошедших в конце месяца выборах в Национальное собрание голлистская партия добилась небывалого успеха. Она завоевала абсолютное большинство, заняв 293 места. Таким образом, французы, совсем недавно выражавшие недовольство властью, теперь сказали ей «да», предпочитая порядок, а не хаос. Де Голль мог праздновать победу. Но в его душе майские события оставили такую рану, которая не заживет уже никогда. До конца своих дней он будет бесконечно возвращаться в мыслях к ним.

10 июля президент решил сменить премьер-министра. Он назначил на пост главы правительства Мориса Кува де Мюрвиля. А Помпиду, служивший де Голлю верой и правдой шесть лет, отправился в отставку. Генерал всегда доверял ему, но майские события не сплотили, а разъединили двух человек.

Президент размышлял о том, отчего все произошло. Он говорил: «Единственный виновник — это я»¹⁴⁶. Но в чем де Голль себя винил? В том, что предоставил премьер-министру полную свободу действий в области внутренней политики¹⁴⁷. А что изменилось бы, если бы президент сам занимался сложными социальными проблемами, которые порой разрешить очень трудно. Человек так устроен, что всегда будет чем-нибудь недоволен. Май стихийно вовлек в свою пучину почти все слои французского общества. Генерал не мог этого не понимать. И все-таки он затаил тайную обиду на Помпиду. Де Голль считал, что его премьер-министр слишком много уступил профсоюзам во время переговоров, отдавая себе отчет в последствиях. Президент прямо заявлял: «Помпиду все выложил на улице Гренель. Не надо было это делать. Профсоюзы довольствовались бы половиной и даже четвертью. А теперь экономика раздавлена и отброшена на годы... Ни у кого нет чувства государства»¹⁴⁸. Генерал был абсолютно прав. Из-за огромного повышения зарплат, пенсий, всевозможных пособий французская экономика дала сильный крен. Стране с большим трудом удалось избежать девальвации франка, у нее возникли серьезные проблемы внутри «Общего рынка».

Летом 1968 года де Голль не переставал думать и о своих соотечественниках. Он не понимал, как они могли так поступить с ним. Впрочем, президент давно знал, что Франция и ее жители — это далеко не одно и то же. Его отзывы о согражданах стали уничижительными. «Ох, эти французы, — гневно замечал он, — крикливый народ, который всегда готов все сломать и предать огню, если затронут его ничтожный личный интерес»¹⁴⁹.

И тем не менее президент размышлял и о том, в чем, может быть, был не прав по отношению к согражданам. В день национального праздника 14 июля 1968 года он неожиданно для всех принял решение амнистировать оасовцев, даже приговоренных к пожизненному заключению.

В августе внимание президента Франции было приковано к событиям в Чехословакии. Он решительно осудил ввод советских войск на территорию этой страны.

Осенью де Голль начал понемногу отвлекаться от своих грустных мыслей. В сентябре он ездил в Бонн. В октябре генерал отправился с официальным визитом в Турцию. Красоты Стамбула — роскошные залы гарема во дворце Топкапы, величественный собор Святой Софии, лазурно-голубые воды Босфора — так радовали глаз, хотя и не могли исцелить душу.

Президент не смог обрести прежнюю форму. Это отмечали и его близкие, и его соратники. В начале декабря в Рамбуле после традиционной охоты гости собрались в большом зале замка на обед. Министр Раймон Трибуле смотрел на де Голля и думал: «Где же прежний Генерал, где его оживленная речь, эрудиция? Теперь он заставлял себя не потерять нить разговора, а взгляд его устремлялся за окно и терялся в печали зимнего пейзажа. Какой же он грустный»¹⁵⁰.

В начале 1969 года жизнь де Голля оживило одно событие — вступление в США в должность президента Ричарда Никсона. Генерал был давно знаком с этим человеком, он ему нравился. И Никсон, в свою очередь, с большим уважением относился к де Голлю, считая его выдающимся государственным деятелем эпохи. Президент США вспоминал: «Первое, что я считал необходимым сделать, — это установить хорошие отношения с Францией и с де Голлем»¹⁵¹. И Никсон, действительно, в конце февраля 1969 года приехал в Париж. Генерал принял его и был очень рад, что теперь главой Белого дома стал человек, с которым легко и удобно будет вести диалог. В конце марта де Голль отправился в Соединенные Штаты на похороны Эйзенхауэра. После них он еще раз беседовал с Никсоном о развитии отношений между США и Францией.

Возобновление диалога с Америкой де Голль расценивал как важный момент французской политики. Однако беспокоило его совсем другое. Президент упорно думал о том, что он может предложить уже не Франции, а французам. Генерал считал теперь своим долгом обратиться к внутренней политике и тем самым оправдаться перед соотечественниками за невнимание к ним. Он задумал осуществить идею «ассоциации труда и капитала», разработанную голлистами еще во времена РПФ. Но одно дело идея, совсем другое — воплощение ее в жизнь.

Президент решил, что первым шагом на пути к «ассоциации» будут реформа сената и новое районирование страны. Первая предполагала лишение верхней палаты парламента законодательных функций. Второе — некоторое расширение местного самоуправления. Де Голль счел нужным объединить эти две проблемы в один законопроект и вынести его на суд французов — всеобщий референдум.

Проект был явно неудачным. В нем объединялись две плохо сочетаемые вещи. Простой человек вообще не мог понять, что все это означает, и уж тем более, как может повлиять на улучшение его жизни. Многие министры и соратники говорили президенту, что лучше всего отказаться от такой странной затеи. Но он и слушать никого не хотел. Законопроект по настоянию генерала вынесли на референдум, назначенный на 27 апреля 1969 года. Де Голль объявил во всеуслышание, что, если французы его не поддержат, он уйдет в отставку. Некоторые сразу назвали такое заявление президента политическим самоубийством.

В начале весны началась кампания по референдуму. Голосовать против законопроекта призвали лидеры левой оппозиции и бывший министр Валери Жискар д'Эстен, глава группы «независимых республиканцев». Опросы общественного мнения свидетельствовали о том, что большинство французов не склоняются одобрить проект.

Де Голль словно замер. Он говорил, что ему больше нечего предложить французам. Складывалось впечатление, что президент устал и просто не знал, что ему дальше делать со своей властью. Но тем не менее он надеялся до последнего и не хотел верить опросам¹⁵². 10 апреля в беседе с Мишелем Друа, транслировавшейся телевидением, генерал пытался объяснить согражданам суть законопроекта. 25 апреля президент выступил еще раз, призывая к положительному голосованию¹⁵³. Но французы впервые сказали ему «нет». 27 апреля 1969 года 52,41% голосовавших дали отрицательный ответ. Узнав о результатах, генерал с горечью произнес:

«Меня ранили в мае, а теперь прикончили»¹⁵⁴. 28 апреля де Голль опубликовал свое самое короткое коммюнике — «Я прекращаю мои функции президента республики. Это решение входит в силу сегодня в полдень»¹⁵⁵ — и навсегда покинул Елисейский дворец.

Так неожиданно и несколько нелепо завершилась политическая и государственная карьера «самого знаменитого из французов». Так он сам решил свою судьбу. Покидая президентский дворец, генерал сказал адъютанту Франсуа Флоику: «В сущности я не должен огорчаться, что все закончилось именно таким образом. Иначе, какие у меня были бы перспективы на будущее? Только трудности. Они лишь ухудшали бы мнение обо мне как о персонаже, вылепленном Историей. А я бы напрасно истощал свои силы, потому что Франция в них больше не нуждается»¹⁵⁶.

В КОНЦЕ ПУТИ

Что же осталось? Только Коломбэ и воспоминания. Де Голль сразу решил начать работать над мемуарами о своем президентстве. Но первые дни после референдума оказались мучительными. Как трудно было входить в другую жизнь, осознать в одночасье, что ты навсегда отошел от дел, и действительно ощутить себя «старым человеком, ожидающим вечного холода». Отвлеченья помогали только свежая майская природа, ранние цветы, высаженные Ивонной в парке Буассери, и чтение. Генерал брал в руки старые стихотворные сборники. Но глаза сами отыскивали почему-то лишь грустные строки. Вот, например, Пеги. Де Голль выписал в свой дневник несколько строф:

O coeur humilié	Сердце униженное
coeur solitaire	Сердце одинокое
Seul sur un océan	Одно в океане
De lassitude	Безбрежности
Plongé dans un néant	Ты погрузилось в небытие
De solitude ¹⁵⁷	Неизбежности*.

Во Франции в начале мая уже открылась президентская кампания. Голлистская партия выдвинула Жоржа Помпиду. Генерал не хотел вмешиваться в происходящее. Он раз и навсегда решил, что никогда не будет никоим образом принимать участие в политической жизни страны. Де Голль захотел на время вообще покинуть Францию. По просьбе бывшего

* Перевод автора.

президента его личные адъютанты-секретари организовали ему поездку в Ирландию. Генерал никогда не был на этом острове, земле своих предков по материнской линии, и захотел ее посмотреть и заодно отвлечься от недавних печальных событий.

Путешествие де Голля по Ирландии длилось целых сорок дней. Его принял в Дублине президент страны Имон Де Валера. Он познакомился со многими людьми, в том числе своими дальними родственниками. С острова генерал отправил много писем. Он нашел в себе силы ответить всем тем, кто прислал ему послания по поводу ухода с поста президента. Его ответы были кратки и любезны. Но в письме к сестре де Голль все-таки дал и оценку происшедшему: «Случилось то, что должно было случиться. Французы в настоящее время в своем большинстве еще не стали таким народом, который в состоянии отстаивать утверждение Франции, за которое от их имени я боролся тридцать лет. Но то, что было сделано, сначала во время войны, а потом в течение последних одиннадцати лет, имеет такой размах, что только будущее его оценит. Тот посредственный период, в который теперь вступает наша страна, лишней раз докажет это»¹⁵⁸.

Сыну генерал писал о своих впечатлениях от Ирландии: «Страна очень красива. Ее пейзажи великолепны. Сейчас мы находимся на берегу бухты океана, окруженной пустынными скалистыми горами»¹⁵⁹. День 18 июня бывший президент впервые провел вдали от холма Валерьен под Парижем, куда приезжал ежегодно, начиная с 1945 года. Сейчас он вспоминал эту знаменательную для себя дату почти один, без соратников, «голлистов первого часа». Рядом были лишь Ивонна и адъютант Франсуа Флоик. На следующий день де Голль возвратился во Францию, в Коломбэ.

Жизнь генерала шла в спокойном, размеренном ритме. Прогулки по лесу и парку Буассери, книги, телевизор, пасьянс. Бывший президент ни к чему не потерял интерес. Главной Франции стал Жорж Помпиду. Он назначил на пост премьер-министра Жака Шабан-Дельмаса, который всегда слыл левым голлистом. Сейчас он провозгласил программу реформ под названием «новое общество». Бывшему президенту было любопытно, насколько Шабан-Дельмас сможет преуспеть. Генерал буквально прильнул к телевизору, когда в июле 1969 года показывали кадры о высадке американских космонавтов на Луну.

Главным же в жизни де Голля становится работа над воспоминаниями. Он назвал их «Мемуары Надежды». Книга должна была охватить весь период президентства и со-

ставить три тома. Генерал хотел оставить миру письменное свидетельство о своей деятельности на службе любимой Франции.

Теплым длинным августовским вечером Ивонна, уютно расположившись под торшером, вязала. Рядом с ней сидел ее сын. Бывший президент работал в кабинете. И вдруг он появился в гостиной с исписанными листами бумаги в руках и сказал: «Сейчас я буду вам читать первые строки моих мемуаров»¹⁶⁰. Нетрудно было догадаться, что они начинались с его видения отечества: «Франция возникла из глубины веков. Она существует. Ее зовут грядущие столетия. Но всегда, во все времена Франция оставалась сама собой... Государство, которое несет ответственность за Францию, должно проявлять заботу одновременно о наследии прошлого, о его сегодняшних интересах и о ее надеждах на будущее»*.

Приезд в Коломбэ родных, особенно детей и внуков, всегда радовал де Голля. Своих известных соратников, министров он принимал редко, хотя многие хотели его видеть. В Буассери все время приезжали лишь два секретаря, Пьер-Луи Блан и Ксавье де Боленкур, которые подбирали документы для воспоминаний генерала и выполняли всю вспомогательную техническую работу по тексту. Блан говорил, что именно в 1969 году де Голль как нельзя больше походил на «короля в изгнании»¹⁶¹.

Пришла осень. Увядание природы наводило на грустные мысли. Багрово-золотистый октябрь сменился хмурым ноябрем с дождем и туманом. Генерал отвечает на поздравительные открытки, присланные к Дню святого Шарля. Он замечает в письме к племяннице: «Мы с Ивонной живем здесь в одиночестве. Но после стольких пережитых волнений оно не кажется нам давящим»¹⁶². Сыну же де Голль пишет следующее: «Через тринадцать дней я начну восьмидесятый год моей жизни. Несмотря на испытания, сомнения и связанную с возрастом усталость, я должен спешить»¹⁶³. Думал ли он о смерти? Возможно. Ведь еще два года назад, будучи президентом, генерал отметил: «В моем возрасте уже чувствуешь, как тень жизни расплывается в ожидании ночи»¹⁶⁴.

В декабре в Коломбэ приехал Андре Мальро. Через полтора года писатель издал небольшую книгу об этой своей последней встрече с де Голлем — «Дубы, которые срубают...»¹⁶⁵. Два знаменитых человека уселись в кабинете генерала и провели за разговорами весь день. За окном падал хлопьями снег, в кресле спал, свернувшись клубочком, серый кот Гри-гри, а

* Перевод В И Антюхиной-Московченко

хозяин дома и писатель вспоминали ушедшие годы, события, людей. Мальро запало в память, как де Голль сказал: «Да, Сталин был прав. В конечном счете все побеждает смерть».

В новом, 1970 году бывший президент согласился на предложение издательства «Плон» опубликовать его речи и послания в пяти томах. Теперь работы только прибавилось. Генералу так хотелось все успеть. А сделать еще нужно было очень много. Он все время думал об этом. В письмах к родным и знакомым де Голль неизменно подчеркивал: «Если Богу будет угодно, я завершу мой труд» или «Может быть, Бог отпустит мне время, чтобы закончить»¹⁶⁶. Он прожил у Всевышнего еще три года.

Весна прибавила генералу сил. Первый том был в целом написан. Де Голль назвал его «Возрождение». Настроение поднял и выход в свет двух книг «Речей и посланий» — «Во время войны» и «В ожидании». Бывший президент мог немало расслабиться. Он решил поехать в начале лета в Испанию, где никогда не был.

3 июня генерал с женой отправился в путь на машине. Супруги решили посмотреть самые красивые города страны и просто отдохнуть. Свой маршрут они начали со святого места — Сантьяго-де-Компостела, города со знаменитым средневековым собором, хранящим мощи святого Иакова. 8 июня де Голль прибыл в королевский дворец-музей Эскориал. Как тут было не вспомнить стихи Альбера Самена*, которые он так любил:

Mon âme est une infante en robe de parade,
Dont l'exil se rflète, éternel et royal,
Aux grands miroirs déserts d'un vieil Escurial
Ainsi qu'une galère oubliée en rade¹⁶⁷.

Моя душа — инфанта в нарядных жемчугах,
Ее изгнание вечно, без конца и без начала,
Оно отражено лишь в зеркалах Эскориала,
Душа моя — забытая галера на дремлющих волнах**.

Генерал ходил по мрачным залам дворца и думал. Чья это душа? Чье изгнание? Его? Сколько же их было этих изгнаний? Сорокового года, сорок шестого и последнее, шестьдесят девятого. Кто помнит об этом сейчас? Стены здания военного министерства на улице Сен-Доминик или зеркала нелюбимого Елисейского дворца? А он сам? Разбитая об острые скалы, старая заброшенная галера. Без кормчего, без

* Самен, Альбер (1858—1900) — французский поэт, прославившийся своим сборником стихов «В саду инфанты» (1893).

** Перевод автора.

гребцов. Никогда она уже не отправится в счастливое плавание на завоевание милой сердцу Франции.

Потом был Мадрид. Бывший президент встретился с Франко. Он с уважением относился к этому человеку и был рад беседе с ним. Два генерала говорили о колониальной политике, деколонизации, роли ООН в международных отношениях¹⁶⁸. Де Голль побывал в музее Прадо, а затем отправился в Толедо, Кордову, Гранаду, Севилью. Передохнув неделю на южном берегу в горах под Марбельей, он вернулся в Коломбэ.

Лето в самом разгаре, но об отдыхе больше думать не приходится. Столько дел! Дня едва хватает, чтобы успеть выполнить намеченное. Писатели, ученые по-прежнему присылают де Голлю свои книги. Он находит время хотя бы просмотреть их, отвечает на письма. Приезжают внуки. Генералу так приятно пообщаться с мальчиками, которые уже выросли и вступают во взрослую жизнь. Он гуляет с ними по парку, а вечером все усаживаются в гостиной и бывший президент торжественно, почти ритуально, читает отрывки из своих воспоминаний.

Де Голль очень рад тому, что издательство «Плон» быстро выпустило оставшиеся три тома его «Речей и посланий». Третья книга — «Возрождение» увидела свет в июне, четвертая — «С усилием» — в июле и последняя — «В конце пути» — в начале сентября.

Генерал спешит. Готов первый набросок второго тома мемуаров. Он будет называться «Усилие». Но сил не так много. Работать быстро не удастся. Де Голль подбадривает себя и вспоминает о великих людях, которые в более почтенном возрасте, чем он сейчас, создавали шедевры. Бывший президент отмечает в своем дневнике: «В 89 лет Софокл пишет “Эдип в Колоне”, в 80 Гёте пишет “Фауст”. В 97 лет Тициан рисует “Снятие с креста”, а Верди в 85 создает свой грандиозный “Те Деум”. Еще Моне, Кант, Вольтер, Шатобриан, Гюго, Толстой, Шоу, Мориак. Сколько восьмидесятилетних людей продолжали свое замечательное творчество!»¹⁶⁹

Генерал размышлял, о чем писать дальше. Он ходил по дому и смотрел на подарки, которые получил от разных государственных деятелей. Так он вспоминал людей, и память сразу восстанавливала какие-нибудь эпизоды. Де Голлю за годы президентства надарили уйму всевозможных предметов. Но он взял в Коломбэ лишь то, что ему нравилось. Персидский ковер ручной работы от шаха Ирана, на котором был выткан портрет генерала. Сабли из Саудовской Аравии, Ирака, Сирии, Марокко. Большой серебряный самовар от

Брежнева и Косыгина. Огромные бивни слона из Камеруна. Смешная, но такая милая трехметровая эфиопская вышивка. На ней в наивной форме изобразили де Голля с женой, приехавших в Аддис-Абебу. Генерал особенно любил резное изображение Богородицы, выполненное из дерева средневековым мастером, — подарок Аденауэра, а также большую бронзовую статую «Победа» Антуана Бурделя. Жена известного скульптора подарила ее де Голлю, и она была установлена в парке Буассери.

И опять в Коломбэ пришла осень, сначала, как обычно, красивая, мягкая и тихая. Октябрь ознаменовался для генерала важным событием. Вышел в свет первый том его «Мемуаров Надежды», охвативший 1958—1962 годы. Де Голлю привезли несколько десятков экземпляров. Он с удовольствием стал их подписывать.

А дни летели дальше. Наступил и самый печальный осенний месяц. Время, остановись! Господь, дай ему еще пожить, чтобы он успел завершить свой труд. Нет?!

9 ноября 1970 года. Генерал встал в восемь, в девять позавтракал, просмотрел утренние газеты и отправился на традиционную прогулку по своему парку. День был таким хмурым, промозглым. Накрапывал мелкий дождик. Его капельки маленькими струйками стекали по статуе «Победы». Ветер срывал с деревьев последние желтые листья. Де Голлю сами пришли в голову стихи Эмиля Верхарна:

O ces feuilles qui tombent...
Et cette pluie à l'infini
Et puis ce cri, ce cri
Toujours le même dans mon âme!
Feuilles...
Feuilles couleur de mes douleurs et de mes pleurs
Comme il en tombe sur mon coeur...
Il fait novembre en mon âme.

О эти листья, что спадают...
О этот бесконечный дождь
И этот вой среди голых рош,
Однообразно рвущий все в душе!
Листья...
Как рой моих скорбей все тяжелей, желтей,
Так падают они в душе моей...
Ноябрь в душе моей*.

Все эти слова были так созвучны и погоде, и его настроению. На улице ему стало холодно и неудобно. Через пятнадцать минут он вернулся в дом. День прошел как обычно.

* Перевод Г. Шенгели.

Бывший президент посетил мессу в деревенской церкви, потом писал, читал, отвечал на письма. В половине седьмого вечера он уселся за ломберный столик и в ожидании вечерних новостей по телевизору стал раскладывать пасьянс. Внезапно генерал пошатнулся на стуле и упал, успев сказать: «Какая боль в спине». Ивонна сразу подошла и начала спрашивать мужа: «Шарль, вы меня слышите?» Нет, он ее не слышал, разрыв аорты остановил биение сердца. Спешно вызвали врача и кюре. Они появились одновременно через полчаса, но хозяин Буассери уже покинул мир живых.

На следующий день его дома, облачив в военную форму бригадного генерала, положили в простой деревянный гроб. В руки ему жена вложила четки, освященные папой римским Павлом VI. Проститься с мужем Ивонна позволила только родным. Крышку гроба сразу закрыли. В это самое время президент республики Жорж Помпиду объявил по радио и телевидению: «Француженки, французы. Умер генерал де Голль. Франция овдовела».

12 ноября. Гроб с телом генерала установили на бронетранспортер, накрыли национальным знаменем, и машина медленно двинулась под траурный колокольный звон к церкви Коломбэ. По всей дороге молча стояли люди — министры, соратники, писатели, журналисты, простые французы. После отпевания двенадцать юношей деревни понесли гроб с телом де Голля в последний путь. Генерала похоронили, как он завещал, «без музыки и фанфар», только в кругу родных и близких. Он упокоился на деревенском кладбище Коломбэ, рядом со своей дочерью Анной.

В тот же день в столице Франции в соборе Парижской Богоматери главы 84 государств присутствовали на траурной мессе в память о де Голле. Вспоминая этот день, Ричард Никсон сказал, как во время церемонии он осознал, что мир покинул последний исполин мировой политики. Потом президент добавил: «Де Голль не нуждается в памятнике, потому что он сам — монумент. А творение его рук — Франция»¹⁷⁰.

Прошедшие годы только подтверждают эти слова. Сегодня весь мир знает, что «самый знаменитый из французов» XX столетия — генерал Шарль де Голль. Неутомимым созиданием на благо отечества он навеки вписал свое имя в анналы истории.